

ТИЛЛИ КОУЛ

*Порой лучшее ждет нас
после долгих моментов отчаяния...*

18+

ОБРЕТАЯ НАДЕЖДУ

Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул

Тилли Коул

Братья Карилло. Обретая надежду

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Коул Т.

Братья Карилло. Обретая надежду / Т. Коул — «Эксмо»,
2015 — (Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул)

ISBN 978-5-04-166174-8

Меня зовут Элли Принс, и мне всегда не везло в любви. Когда все мои лучшие друзья обрели свою вторую половинку, я осталась в стороне. Я была просто Элли, кузиной звездного игрока футбольной команды «Тайд» и подругой его девушки. И я устала быть просто той, на кого все могли положиться. Я устала быть одинокой. Целыми днями я курировала выставки современного искусства, и это неплохо отвлекало. Но это не заменяло невероятную, страстную любовь, которой мне так не хватало. Я была лучшей, и меня пригласили в Сиэтл. Мне нужен был этот глоток воздуха. Тогда я не знала, что это будет конец. Что встречу Эльпидио, парня из моих грез, самого талантливого скульптора, чьи работы давно украли мое сердце. И уж точно не подозревала, что влюблюсь в него. Правда, в любой сказке добро всегда борется со злом. И есть темная, измученная душа, из чьих ран, словно кровь, сочится черное чувство вины. В моей сказке герой и злодей оказались одним человеком...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-166174-8

© Коул Т., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Элли	9
Глава 2. Элли	13
Глава 3. Элли	17
Глава 4. Эльпидио	20
Глава 5. Элли	30
Глава 6. Элли	34
Глава 7. Аксель	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Тилли Коул

Братья Карилло. Обретая надежду

Tillie Cole
Sweet Hope

© 2015 by Tillie Cole

© Каштанова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящение

Читателям цикла «Братья Карилло»... Вот это поворот! Вы изменили мне жизнь своей любовью и поддержкой любимой банды из Алабамы. Я так сильно люблю вас всех, что становится больно. Моя самая искренняя благодарность. Я бесконечно признательна, что вы дали мне шанс.

Молли, Кэсс, Лекси, Элли, Роуму, Джей-Ди, Остину, Акселю, Леви и Рису: вы навсегда заняли место в моем сердце. Я наслаждалась каждой минутой, проведенной с вами. Мне больно видеть, как вы уходите, но я достойно вас проводила.

И, наконец, тем, кто (подобно мне) любит негодяев! Я всегда буду стремиться показать вам плохих парней, которых спасает любовь.

Целую.

*Порой именно те, на кого и не подумаешь, совершают
невообразимое.*

Джоан Кларк, математик

Пролог

Меня окутал густой туман, погрузив во тьму.

– Помогите мне, – услышал я ее голос.

Я пытался бежать вперед, но ноги не слушались.

– Пожалуйста... помогите, – снова взмолилась она, слабо, прерывисто.

Страх заставил меня обернуться, но вокруг было слишком темно. Я словно ослеп. И не видел света, способного указать путь.

Туман сгустился еще сильнее и проник мне в горло, забивая легкие. Я потерял способность дышать, не мог сдвинуться с места... Я не способен был ей помочь.

– Я боюсь... так боюсь... – всхлинула она.

Ее слова закружились в воздухе, подхваченные сильным порывом ветра, и хлестнули меня по лицу. Будучи не в силах справиться с болью в ее голосе, я закрыл глаза.

– Я не могу добраться до тебя, – прокричал я, когда тяжелый туман прижал меня к стылой земле. Сияясь освободиться, я царапал руками застывшую грязь.

– Я не могу... больше не могу... Я так устала... – заплакала она. Я слышал, как она исчезает.

Меня охватил ужас. Я не могу ее потерять. Я должен попрощаться.

– Нет! – закричал я. – Не оставляй меня!

Я сильнее впился в землю и ощутил, как от усилий сломались ногти. Но как бы я ни пытался продвинуться вперед, ничего не получалось. Сердце билось в такт раскатам грома над головой. Струющаяся по телу кровь заледенела. Я не мог вырваться. Освободиться не получалось... Никак...

Сердце наполнилось мучительной болью, от слез защипало глаза.

– Я должен попрощаться, – закричал я в пустоту. – Дайте мне попрощаться!

Пальцы начали кровоточить, когда застывшая грязь превратилась в битое стекло, острые края глубоко впились в плоть.

– Береги их... Всегда защищай их... прошу... пожалуйста... – молила она. Голос ее звучал расстроенно. Она сдавалась. И ускользала.

– Нет! Подожди! – попытался прокричать я, схватился за горло, но не получилось издать ни звука.

Вдали появился свет, однако он находился слишком далеко от меня. Я ощутил ужас. Она уходила... покидала меня, и я не мог попрощаться.

– Подожди! – беззвучно закричал я. – Я не попрощался!

Но я оказался в ловушке, заключенный под тяжестью черного тумана на стылой земле, в теле не осталось энергии, а голос отказывался мне служить.

Туман становился все гуще, и свет впереди потускнел, приобрел серый оттенок.

– Нет, – беззвучно крикнул я. – Нет!

Туман неуклонно сгущался, скрывая из виду угасающий свет, а вместе с ним из меня уходила надежда.

Она исчезла...

Задыхаясь от скорби, я пытался дышать. Но вокруг больше не было воздуха, его поглотила пустота тумана.

По лицу струились полные ярости слезы; побежденный, я лежал на земле. Я пытался закрыть глаза, задвинуть боль на задворки сознания, но чувство вины никуда не делось, продолжая раскалывать изнутри.

Туман давил все сильнее, заключая в крепкие объятия. Тьма поглощала меня. Забирала душу.

– Прощай, – прошептал я на последнем вздохе. – Я просто хотел сказать «прощай»...

Тяжело дыша, я резко сел на кровати, стряхивая с себя остатки только что увиденного сна, и услышал:

– Тебе звонят.

Потирая заспанные глаза, я глубоко вдохнул, пытаюсь прогнать преследовавшие меня видения. Вытер влажные от пота ладони о штаны, спустил ноги с кровати и вышел в коридор, к телефону.

– Алло?

– Это случилось.

– Что именно?

– Ты, Эльпи. Случился ты. Твой дебют.

Я застыл и так крепко стиснул телефонную трубку, что она вполне могла сломаться.

– Вин...

– Ты готов. И твои работы тоже. Твоя коллекция – просто шедевр, и ею стоит поделиться со всем миром.

– Вин... Я ценю все, что ты пытаешься для меня сделать, но...

– Никаких «но». Все уже готово. Детали продуманы. Я сделал это ради тебя. Тебе это нужно, Эльпи.

Я изо всех сил старался успокоиться, остудить струящуюся по венам горячую кровь. Я сделал глубокий вдох.

– Ты готов, – настаивал Вин, и теперь в его голосе почти не слышались деловые нотки, исчезло принуждение и осталось лишь что-то сродни поддержке.

Но я этого не хотел. Ничуть.

– Где эта чертова выставка? – прорычал я.

– Эльпи. Не надо так. Ты же скульптор...

– Ничего подобного, черт возьми! – перебивая его, процедил я сквозь стиснутые зубы.

– Ты творец! – внушал Вин. – Самый лучший скульптор, с которым я вообще работал. Твои работы превосходят все, что я когда-либо видел, включая и мои собственные. Ты кое-что из себя представляешь, Эльпи. Поверь мне.

– Вин...

– Все пройдет в небольшой галерее, в маленьком музее, в неформальной обстановке. Это твоя первая выставка, и она не должна тебя подавлять.

– Где, Вин? – раздраженно спросил я и взлохматил рукой длинные волосы.

– В Сиэтле.

Из легких будто вышибло воздух. Вин же продолжал в красках расписывать мне Сиэтл, его культурную жизнь, людей, искусство...

– Эльпи, ты, вероятно, начнешь спорить, что выставку не стоит проводить в Сиэтле, но...

– Я согласен, – резко перебил я, и в потрескивающей трубке воцарилось потрясенное молчание Вина.

– Согласен?

– Точно.

– И никаких споров? Даже не скажешь, что твои творения предназначены лишь для тебя одного? И ты не хочешь иметь ничего общего с миром искусства и людьми, что в нем вращаются?

– Нет.

– Ладно, ну... это... прекрасно! Я заказал тебе билет на самолет, прилетишь через две недели. Я встречу тебя в аэропорту. Сниму квартиру...

– Не утруждайся.

– Не утруждаться? – медленно переспросил Вин.

– Я найду, где остановиться.

– В Сиэтле?

– Да.

– Где? С кем?

– Не твоя забота, – холодно сказал я и почувствовал, как кто-то похлопал меня по спине.

Я обернулся и кивнул стоявшему позади парню, а потом вновь переключился на телефонный разговор. – Я приеду.

– Отлично. Что ж, увидимся через две недели. Но если тебе что-нибудь понадобится, или «место» не сработает, позвони мне.

Я помедлил, закрыл глаза и дважды стукнул рукой по стене с облупившейся краской, возле которой стоял.

– Я понял.

И быстро повесил трубку. От страха внутри все перевернулось. Я зашагал по темному тихому коридору. Откинув с лица длинные волосы, я поскреб ногтями густую темную щетину на щеках.

Две недели...

Через две недели я буду в Сиэтле, готовясь к началу следующей части своей жизни. Но прежде мне придется столкнуться с грузом нерешенных проблем из прошлого...

Глава 1. Элли

Нью-Йорк

Я бежала через дорогу, то и дело огибая попадавшихся на пути людей. Я стремилась вовремя попасть на собеседование. В Нью-Йорке царили влажность и духота. И я порадовалась, что собрала длинные волосы в узел на затылке.

Лихорадочно поглядывая на часы, я крепко сжала в руках сумочку и зашпорила по тротуару. Рейс, которым я летела, задержали, и мне пришлось приводить себя в порядок в крошечной туалетной комнатке «Боинга-737», что явно сказалось на безупречности прически и макияжа.

Но оно того стоило. Ведь речь шла о выставке моей мечты. Я намеревалась успешно пройти предстоящее собеседование. И никак иначе. Я пошла бы на все, только бы курировать это мероприятие... Чтобы добиться желаемого, я в последнюю минуту сорвалась из Калифорнии на Восточное побережье, оставив свою прекрасную, недавно созданную галерею современного искусства в Калифорнийском университете в руках арт-директора.

Наконец, добравшись до входа в музей «Метрополитен», я взбежала по лестнице, стуча каблуками любимых черных лубутенов¹, и, оказавшись возле двери, поправила черное платье без рукавов.

Помедлив, я втянула воздух через нос и, медленно выдохнув его изо рта, расправила плечи и вошла внутрь.

Через несколько минут помощник директора музея отвел меня к личным кабинетам и попросил подождать в маленькой комнатке, где стоял огромный деревянный стол и шесть стульев. На белых стенах в хаотичном порядке висели картины подающих надежды художников. Я опустилась на стул, нервно стискивая руки.

Услышав шаги за дверью, я заставила себя расслабиться и сесть прямо. И в этот момент в комнату вошел пожилой мужчина.

Вин Галанти. Знаменитый скульптор собственной персоной.

На Вине был твидовый костюм, седые волосы пушистым ореолом окутывали голову. Весь его вид выдавал в мужчине эксцентричного человека искусства.

Он окинул меня взглядом бледно-голубых глаз, и по лицу его расплылась широкая улыбка.

– Мисс Лусия! – поприветствовал он.

Я поднялась со стула и пожала его протянутую руку.

– Мистер Галанти! Рада познакомиться с вами, сэр. Я весьма тщательно изучила ваши работы.

Мистер Галанти жестом пригласил меня сесть и сам устроился напротив.

– Пожалуйста, зовите меня Вин. Я тоже счастлив познакомиться с вами, мисс Лусия. В прошлом году в Торонто я имел удовольствие видеть выставку современного искусства, куратором которой вы выступали, и она произвела на меня сильное впечатление.

– Спасибо, Вин, – ответила я, искренне удивленная комплиментом.

– Это вам спасибо. Для меня большая честь познакомиться со столь юной женщиной, которая настолько увлечена искусством.

– Так и есть, сэр, – довольно ответила я. – Оно занимает в моей жизни главное место.

¹ Лубутены – женские туфли, созданные французским дизайнер-модельером обуви Кристианом Лубутеном. Отличительный знак обуви модельера – красная подошва туфель. (Здесь и далее прим. перев.)

Вин подался вперед, взволнованный, словно ребенок. При виде ухмылки на его лице мне захотелось рассмеяться, но я сдержалась.

– Итак, – заговорщически произнес он, – Эльпидио...

– Да, – еле слышно выдавила я. От одной только мысли о том, чтобы курировать его выставку, я ощущала слабость в коленях.

– Я наконец-то заказываю для него первую экспозицию и ищу подходящего куратора, способного собрать все воедино. – Он сузил глаза. – Думаете, справитесь?

– Да, сэр, – уверенно ответила я. – Как только я услышала о подобной возможности, то бросила все и полетела сюда на встречу с вами. Я знаю, что лучше всего гоюсь для этого. Я изучала его работы. Писала в научных журналах о темах его скульптур и используемых им приемах. Публиковала статьи о его восхождении к славе.

Вин откинулся на спинку стула, сцепил руки и кивнул. Казалось, он утратил весь энтузиазм. Внутри у меня все сжалось. Я очень сильно хотела получить эту возможность.

– Я читал ваши статьи и журналы, мисс Лусия, – сказал он. Я ждала его дальнейших слов. – Вы исключительный искусствовед и явно сильно увлечены моим протее.

– Да, сэр, – ответила я. – Он один из моих любимых скульпторов современности. – Я помедлила, осмысливая только что сказанные слова, а потом опустила глаза и принялась рассматривать деревянный стол. – Нет, простите, – нервно продолжила я. – Эльпидио – мой самый любимый современный скульптор, и точка.

Вин склонил голову набок.

– Почему? – Во взгляде его вспыхнул интерес.

– Почему... – прошептала я, размышляя, как облечь в слова любовь к его творчеству. Я глубоко вздохнула и решила говорить от чистого сердца. Закрыла глаза и, представив его скульптуры, произнесла: – Его работы... самые печальные и наиболее прекрасные произведения искусства, что я когда-либо видела. Каждый изгиб мрамора исходит прямо из сердца мастера. Скульптуры Эльпидио дерзкие, но в то же время трогают до глубины души. Я могла бы на целый день затеряться в каждой из них, и провести так все дни до конца своей жизни, и мне бы они не наскучили. Его работы грубы, но дышат поэзией... трагичны, и просто восхитительны. Даже мимолетный взгляд на любую из них вызывает калейдоскоп эмоций из самых глубин души. Я не знаю, что еще сказать. Разве что, его работы находят во мне отклик, как никакие другие. – Я коснулась рукой груди в области сердца. – Они словно общаются непосредственно с каждой клеточкой моего существа. Я чувствую его скульптуры. Так, будто они живы и дышат, подобно нам с вами.

Я открыла глаза и покраснела от смущения, осознав, насколько сильно погрузилась в свои мысли. Вин снова наклонился вперед и похлопал меня по руке.

– Что ж, мисс Лусия, вполне подходящий ответ, – проговорил Вин с ноткой юмора в голосе.

Нервно рассмеявшись, я убрала с лица выбившуюся прядь волос.

– Он истинный скульптор.

– Так и есть, – подтвердил Вин и тяжело вздохнул. – Он гений, просто блестящий человек, но никогда не станет думать о себе подобным образом.

Казалось, Вин совсем позабыл, что рядом с ним находилась я. Но потом вдруг стряхнул с себя внезапно накатившую грусть и, немного помолчав, сказал:

– Я старомодный человек, мисс Лусия. Меня не интересуют строго формальные собеседования при приеме на работу, и мне не нужны заранее заготовленные ответы. Я ищу куратора, понимающего творения Эльпидио, того, кто увлечен ими подобно мне самому.

– Я весьма тщательно изучила каждую из его работ, Вин. Подробнее, чем кто-либо еще. И, полагаю, я – единственный куратор, способный разместить его творения в галерее и создать из них историю, достойную его мастерства. Я знаю, что смогу показать его талант в наиболее

выгодном свете. Я справлюсь, Вин, поверьте. Прежде я не знала неудач, и с этой выставкой, безусловно, тоже все удастся.

Вин рассмеялся и еще раз похлопал меня по руке.

– Мисс Лусия, прочитав статьи и пообщавшись сегодня с вами, я тоже в этом убежден. В любом случае, даже просто услышав, как вы говорили о влиянии работ Эльпидио, я бы безоговорочно отдал вам эту должность.

На мгновение я позволила его словам повиснуть в воздухе. А потом, не в силах устоять перед потребностью все прояснить, спросила:

– Значит... я получила работу?

Вин кивнул и встал.

– Конечно, мисс Лусия. Я не из тех, кто тянет время. Я уже изучил ваш научный опыт и пообщался с предыдущими работодателями. Вас весьма рекомендовали. К тому же, насколько я могу судить, вы посвятили этому занятию всю свою жизнь.

В груди разлилось тепло, и я позволила себе на миг ощутить прилив гордости. Я и в самом деле после университета полностью посвятила себя карьере. И даже во время учебы всегда знала, по какому пути следует ступить.

Поднявшись на ноги, я протянула руку Вину, который любезно ее принял.

– Спасибо, Вин, – робко проговорила я. Он крепко сжал мне ладонь, словно скрепляя договор. – Когда я понадобится вам здесь, в Нью-Йорке? Если нужно, я в ближайшие несколько дней смогу вновь прилететь из Калифорнии. Выставка пройдет в «Метрополитене»? Или в музее Гуггенхайма?

– Ни здесь, ни там, – проговорил Вин и, небрежно махнув рукой, направился к двери. Я в замешательстве нахмурилась. – Она будет небольшой, неформальной, и пройдет в значимом для меня месте.

– Ладно, – неуверенно проговорила я.

Возле двери Вин обернулся.

– Она состоится в Сиэтле, мисс Лусия, в музее искусств Вашингтонского университета. Я там не последний человек и хочу собрать для него кое-какие экспозиции. К тому же Эльпидио не согласился бы на галерею с громким именем. Ему хочется чего-то более интимного.

Интимного... Само звучание имени Эльпидио рядом со словом «интимный» вызвало жар во всем теле. Я была одержима мужчиной, которого даже никогда не видела, разве что в мыслях. И теперь мне предстояло работать с его творениями – мраморными отражениями души, отпечатками сердца... в Сиэтле.

– Сиэтл подойдет идеально, – проговорила я, и в словах отчетливо слышалось волнение. – Насколько я поняла из его работ, Эльпидио не гонится за славой или признанием, как другие скульпторы. Так что место не столь уж важно. Во главе угла здесь утонченность самого искусства. – Я улыбнулась и опустила голову, мысленно представляя скульптуры, которыми восхищалась на фотографиях; вживую мне довелось увидеть лишь одну из них. – Это будет потрясающе и в жизни многих сыграет важную роль.

– Слова настоящего куратора, – тепло произнес Вин, и я уловила улыбку в его голосе.

– Нет, – покраснев, проговорила я. – Так сказал бы истинный фанат.

Вин взглянул на меня с любопытством.

– Вы прекрасно описали Эльпидио, мисс Лусия. Небольшой музей идеально подойдет для его первой выставки, а вы отлично вписываетесь в роль куратора. Полагаю, ваше сотрудничество будет весьма продуктивным, мисс Лусия. Я это чувствую.

Улыбнувшись, я ответила:

– Как и я, Вин.

– Мой помощник скоро свяжется с вами, чтобы обсудить детали. Между тем, если вы сможете в ближайшее время оказаться в Сиэтле, мы привлечем к работе кого-нибудь из сотрудников музея.

– Спасибо, Вин, – вновь проговорила я, и он, чуть махнув рукой, вышел из комнаты.

Через несколько минут тот же помощник проводил меня к выходу из музея. Я замерла на верхней ступеньке впечатляющей лестницы музея «Метрополитен», запрокинула голову и взглянула в ясное летнее небо, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не закричать от счастья.

Я добилась, чего хотела.

И вот-вот начну работать с лучшим скульптором современности.

Я получила работу мечты.

Вернувшись в настоящее, я вытащила мобильник и разблокировала экран. Какое-то время рассматривала заставку, свое любимое творение Эльпидио, безымянного ангела из белого каррарского мрамора.

По телу прокатилось волнение. На панели быстрого набора я нажала цифру «два» и почти тут же услышала знакомый и любимый английский акцент.

– Привет, незнакомка!

– Молс! – взволнованно воскликнула я. – У тебя в доме найдется свободная комната? Потому что к тебе в гости едет лучшая подруга!

Глава 2. Элли

Сиэтл, Вашингтон

Такси остановилось прямо на берегу озера Вашингтон. Я рассматривала великолепный особняк из белого камня, расположенный впереди, на паре акров земли, за огромными железными воротами. Новый дом Молли и Роума.

«Роум», – подумала я и улыбнулась. Молли ни за что бы не выбрала такой дом.

Подхватив чемоданы, я покатила их к внезапно начавшим открываться воротам. Лучезарно улыбнувшись, я помахала рукой в сторону большой камеры, установленной на вычурном столбике, прикрепленном к окружающей особняк белой каменной стене.

Шагая по подъездной дорожке, я восхищалась садом: сочной зеленой травой, замысловато украшенными фонтанами, деревьями всех видов и огромным количеством оживляющих территорию цветов.

Я заметила большую мощеную лестницу, ведущую ко входу в дом. Поднявшись по ней, я уже подняла руку, чтобы постучать, но тут белая дверь распахнулась. На пороге появился Роум Принс, мой кузен. Губы сами собой растянулись в довольной улыбке. Его карие глаза сияли, а длинные светлые, песочного цвета волосы растрепались. Со скрещенными на груди руками, в облегающей белой футболке и выцветших джинсах он все еще воплощал в себе образ деревенского парня.

– Привет, кузина, – широко улыбаясь, поздоровался он; в его речи до сих пор отчетливо слышался акцент уроженца Алабамы.

Он шагнул вперед и, раскинув руки, сжал меня в медвежьих объятиях, чуть приподняв над полом.

Я рассмеялась и тоже обняла его.

Роум опустил меня на ноги, и я поцеловала его в щеку.

– И тебе привет, мистер Всемогущий Квотербек²!

Роум закатил глаза и прошел мимо меня, чтобы забрать багаж. Я последовала за ним в дом. И изумленно принялась рассматривать фойе, настолько огромное, что назвать эту комнату иначе просто не получалось.

– Роум... – начала было я, но меня прервали.

– Нелепо, правда?

Я резко обернулась к широкой лестнице. К нам спускалась Молли Принс в длинном фиолетовом летнем платье без рукавов с завышенной талией. Каштановые волосы девушки спадали до плеч, а на прекрасном лице ее сияла счастливая улыбка.

– Молли! – возбужденно воскликнула я. Стоило Молли ступить на последнюю ступеньку, я тут же заключила ее в объятия. Она тоже обняла меня. – Я скучала по тебе! – призналась я.

– Я тоже скучала по тебе, милая, – проговорила Молли и сжала мне ладонь, отпустив лишь, когда Роум обнял ее сзади за плечи и притянул к груди. Девушка накрыла его руки своими, и на лицах обоих мелькнуло то самое выражение, что появлялось у них только рядом друг с другом.

Грудь на миг пронзило болью. Глядя на их счастье, я лишь острее ощущала собственное одиночество. Работа с утра и до позднего вечера неплохо отвлекала, но, как бы сильно я ее ни любила, она никогда не сможет заменить невероятную, подобную разряду молнии любовь, которой я отчаянно желала.

² Квотербек – в американском футболе ключевой игрок в атакующих построениях команды, задачей которого является продвижение мяча по полю.

– Да ладно. Пойдем лучше чего-нибудь выпьем! – весело проговорила я, прогоняя накопившую грусть, и Роум с Молли повели меня в белую кухню, оформленную в стиле кантри.

Должно быть, девушка заметила, как я, разинув рот, рассматривала роскошную комнату, и покраснела.

– Это слишком, правда?

Я перевела взгляд на застенчивую подругу и заметила написанное на ее лице смущение.

– Вовсе нет, милая. Она прекрасна.

И Молли вместе со мной принялась разглядывать комнату. Мне нравилось, что она до сих пор испытывала неловкость от обладания деньгами. Не думаю, что она вообще когда-либо к ним привыкнет. Но эта черта ее характера вызывала умиление.

– Она спорила со мной, когда я решил купить этот дом. Но мне хотелось жить в безопасном месте... там, где мы могли бы создать семью, – пояснил Роум.

Молли, которая пристально изучала стол, вдруг бросила быстрый взгляд на мужа, и в глазах ее появились слезы.

Роум поднес руку Молли к губам. И я почувствовала, будто вторглась в их личное пространство, нарушая значимый для обоих момент. Молли, казалось, пришла в себя и чуть заметно мне улыбнулась.

– Элли, тебя, должно быть, мучает жажда. Хочешь чего-нибудь попить?

– Не волнуйся, милая. Я это предусмотрела! – взволнованно заявила я и вытащила из сумки бутылку шампанского, которую купила по пути к их дому.

Но, подняв взгляд, я заметила, что Молли побледнела и выбежала из комнаты.

– Я... вернусь через минуту! – донеслось из коридора.

Нахмурившись, я застыла посреди кухни. А потом повернулась к Роуму, который ерзал на стуле.

– С ней все в порядке? – спросила я. – Она выглядела так, будто ее сейчас стошнит.

Роум проследил взглядом направление, в котором ушла Молли.

– С ней все хорошо.

Я видела написанное на его лице беспокойство. Но Роум всегда весьма серьезно, даже собственнически, относился к Молли. И превыше всего остального в жизни ставил потребность оберегать ее и окружать заботой.

Повисла тишина, и я, внезапно ощутив неловкость, спросила:

– А где у вас бокалы для шампанского?

Роум очнулся от беспокойных мыслей и подошел к шкафу. Он вытащил оттуда два бокала и поставил на стол, пока я откупоривала пробку. Уже собравшись разлить шампанское, я вдруг замерла.

– Роум, ты забыл еще один. Здесь только два бокала.

Роум замер рядом со мной. Я заметила, что он неотрывно смотрел в ту сторону, куда ушла Молли. Прищурившись, я ткнула его локтем.

– Эй, кузен! Ты здесь, со мной?

Роум резко повернулся ко мне и провел рукой по волосам.

– Да, прости, Эл.

– В чем дело? – спросила я. – Вы ведете себя очень странно. – Я взглянула на два бокала для шампанского и взволнованно выдохнула: – Почему она не пьет?

Роум открыл было рот, но...

– Я беременна, – донесся от входа тихий голос Молли.

Мы с Роумом тут же повернулись к ней. Девушка казалась бледной, ее явно только что рвало.

Я судорожно вздохнула и быстро зажала рот рукой. Молли шагнула вперед, и на губах ее мелькнула счастливая улыбка.

– Уже шестнадцать недель... – Она взглянула на Роума, и в глазах девушки блеснули слезы радости. – Ты можешь в это поверить? Мы снова беременны!

Она расплакалась, и я тоже не смогла сдержать слез. Я рванулась к лучшей подруге, чьи руки теперь покоились на небольшой округлости, скрытой под просторным платьем. Я обняла Молли.

– Я так счастлива за тебя, милая, – прошептала я, чувствуя, как Молли крепко вцепилась в меня. Ее трясло. Я отстранилась и большими пальцами вытерла ей слезы. – Я просто чертовски за тебя рада.

– Спасибо, Элли, – проговорила она и взволнованно рассмеялась. Ее лицо просто сияло от радостного возбуждения. Но стоило ей взглянуть на Роума, и улыбка тут же угасла. Так и не сдвинувшись с места, парень сгорбился над столом, опершись о него руками. Роум пристально наблюдал за нами, и в его темных глазах отражалась боль.

Молли мягко сжала мне руку в знак благодарности, а потом направилась к мужу. Коснувшись пальцами его опущенного подбородка, она приподняла голову Роума и поцеловала парня в губы.

– Со мной все будет в порядке, – успокаивающе прошептала она.

Казалось, целую вечность Роум пристально смотрел на нее, а потом, опустившись на стул, усадил девушку к себе на колени и заключил в объятия. Заметив, что я в замешательстве наблюдала за ними, Молли пояснила:

– У меня преэклампсия³, Элли. И она развилась слишком рано, поэтому беременность может быть тяжелой. Доктор дал мне список того, что нужно делать, дабы помочь себе, но вот этот парень просто в ужасе. – Словно чтобы подчеркнуть свои слова, она провела рукой по длинным волосам Роума. – Вот почему мы пока ничего не говорили. Вдруг что-то вновь пойдет не так. Лекси и Остин знают, но я хотела подождать и сказать тебе лично. Конечно же, Роум не может перестать беспокоиться.

Внутри у меня вновь все перевернулось.

– Я боюсь потерять тебя, – тихо произнес Роум, и его низкий голос звучал серьезно. – Никакой ребенок этого не стоит.

Молли, глядя на него, медленно склонила голову набок.

– Ты меня не потеряешь. Ничего не случится. У нас родится малыш, и все пройдет отлично.

Они смотрели друг другу в глаза и, казалось, мысленно общались между собой.

Я неловко переступила с ноги на ногу и направилась к своим чемоданам. Краем глаза уловив мое движение, Молли встала с колен Роума.

– Роум, малыш, покажи Элли ее комнату. А я пойду прилягу. – Она закатила глаза. – Так велел врач. Много отдыхать и ни о чем не волноваться.

С улыбкой я наблюдала, как она вышла из комнаты. Но на пороге Молли вдруг замерла и обернулась.

– О, чуть не забыла. Сегодня вечером мы устроили для тебя праздничный ужин. Соберутся все. Чтобы поздороваться с тобой и отметить приезд в Изумрудный город.

– Молли, я... – хотела было возразить я, беспокоясь, что это может сказаться на ней.

– Хоть ты не начинай, Элли! Мне хватает и здорового мрачного футболиста, что обращается со мной, словно с хрупкой куклой. – Молли указала на Роума и показательно нахмурилась. Муж, прищурившись, одарил ее ответным взглядом. – Со мной все хорошо. – Она коснулась ладонью живота. – Мы оба в порядке, и я не хочу, чтобы в следующие несколько месяцев все вокруг с меня пылинки сдували!

³ Преэклампсия – патология, возникающая во второй половине беременности, характеризующаяся повышенным артериальным давлением, высоким содержанием белка в моче и выраженными отеками.

– Да, мэм, – проговорила я и шутливо отдала ей честь.

Молли рассмеялась и покачала головой.

– А после мне хотелось бы послушать о новой галерее, что ты станешь создавать в моем университете. Ладно?

– Конечно, – развеселившись, проговорила я.

Молли победно кивнула и осторожно направилась вверх по ступенькам, оставив меня наедине с Роумом. Он подхватил мой багаж и быстро зашагал к лестнице; я последовала за ним.

Он отвел меня в комнату в конце длинного коридора. И, когда открыл дверь, я изумленно открыла рот. Комната казалась просто прекрасной. Почти полностью белая, светлая и просторная. К ней примыкала ванная комната с самой большой ванной, что я когда-либо видела.

– Роум... это... – прошептала я и повернулась к кузену, который, скрестив руки на груди, прислонился к дверному косяку.

– Оставайся здесь, сколько захочешь, слышишь? Молли любит, когда ты рядом. И меня это тоже не напрягает.

Кузен пытался шутить, стараясь скрыть беспокойство по поводу жены, но я услышала, как дрогнул его голос. Я подошла к нему ближе и стиснула напряженные руки Роума.

– Ты же знаешь, с ней все будет хорошо. Ребенок – это просто здорово. Настоящее благословение.

Роум опустил глаза в пол.

– Я понимаю, Эл, и я счастлив. Мы так давно хотели ребенка. Ты и сама знаешь. Но, боже, Эл... Доктор вновь твердит о риске и постоянно напоминает, что мама Моллис умерла от того же самого, и... – Роум замолчал, и я сжала его руку. Раздувая ноздри, он продолжил: – И я вспоминаю, как моя девочка, сломленная и потерянная, лежала на той проклятой больничной кровати. Это просто меня убивает. Ведь подобное может случиться снова. Или нечто худшее.

– Этого не будет, Роум. На этот раз все иначе. Вы живете в гораздо лучших условиях, повзрослели. Рядом нет родителей, что дышали бы тебе в затылок, и всех связанных с ними волнений. И я знаю тебя. Ты просто больше не позволишь, чтобы с твоей женой что-то случилось.

Роум неохотно усмехнулся, и я улыбнулась в ответ.

– Я стану тетей! – возбужденно выпалила я, и Роум рассмеялся. Несмотря на все тревоги теперь, перестав скрывать свое счастье, он казался невероятно взволнованным, и у меня заныло сердце.

– Да-да, станешь. Тетушка Элли.

– А ты будешь папочкой.

Он выдохнул и провел руками по лицу.

– Да уж... черт возьми...

– И чертовски хорошим, Роум. Лучшим папочкой на планете.

Роум широко улыбнулся мне в знак благодарности, и я заметила на лице его чистую радость. Я видела, как сильно он хотел малыша, что носила в своем чреве Молли.

Роум весело покачал головой и взъерошил рукой мои длинные каштановые волосы.

– Роум! – воскликнула я. – Убирайся к черту! – Я попыталась шлепнуть его, но он отскочил за пределы досягаемости.

– Рад, что ты здесь, кузина. Мы уже чертовски давно не виделись, – вдруг серьезно проговорил он. – И через несколько часов мы это отпразднуем. Так что будь готова к семи.

И прежде, чем я успела что-то сказать, Роум вышел, оставив меня в огромной комнате для гостей. Я села на кровать.

Я приехала в Сиэтл, чтобы взяться за выставку всей своей жизни, и, в довершение всего, скоро стану тетей.

Похоже, я двигалась в верном направлении...

Глава 3. Элли

Несколько часов спустя мы вошли в ресторан, и официант провел нас в отдельную комнату в задней части. Я лишь порадовалась этому, поскольку, стоило нам оказаться в оживленном общем зале, как собравшиеся там принялись поглядывать на Роума и перешептываться. Конечно же, они узнали квотербека «Сихокс». Явно смущенная Молли опустила голову и попыталась прошмыгнуть вперед, но Роум взял ее за руку, удерживая рядом с собой. Он тоже ненавидел находиться в центре внимания.

Когда мы вошли в отдельную комнатку, из которой открывался прекрасный вечерний вид на залив, я облегченно выдохнула и разгладила черное платье без рукавов. А потом услышала, как кто-то позвал меня с другого конца комнаты.

– Элли!

Я лучезарно улыбнулась, заметив Лекси, одну из лучших подруг. Девушка поднялась со своего места и бросилась ко мне. Стоило ей приблизиться, как сердце бешено забилося в груди. Она по-прежнему осталась изящной и хрупкой, но немного поправилась со времен университета и выглядела здоровой. Ее прямые черные волосы теперь отросли и спускались до середины спины. Сегодня Лекси надела зеленое платье до колен с длинными рукавами и ботильоны.

Она выглядела прекрасно.

Я взяла Лекси за руки и наклонилась, чтобы поцеловать ее в щеку. А потом, крепко сжав пальцы девушки, отступила назад. Мне пришлось подавить желание ее обнять. Из-за анорексии Лекси не терпела подобных прикосновений. И пусть сейчас девушка выздоравливала, спина по-прежнему оставалась для нее спусковым крючком.

– Я скучала по тебе, – мягко проговорила Лекси, мило улыбаясь.

– И я скучала, милая. Поверить не могу, что теперь вы тоже живете в Сиэтле! Это круто! Два парня из Алабамы играют за «Сихокс»!

В этот момент позади жены возник Остин Карилло, лучший друг Роума, и наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку.

– Элли, – поздоровался он и, отступив назад, обнял Лекси за плечи покрытыми татуировками руками и притянул девушку к груди. Остин был единственным, кого не касались спусковые крючки Лекси, лишь он один мог до нее дотрагиваться.

Пять лет назад Остин спас ей жизнь. Тогда Лекси чуть не проиграла битву с расстройством пищевого поведения, но их любовь друг к другу оказалась сильнее. Она жила лишь ради него, а он – ради нее.

Заметив позади Остина и Лекси растрепанную светловолосую голову, я отклонилась в сторону и увидела красивого юношу, неловко переминавшегося с ноги на ногу. Он был хорошо сложен и явно занимался спортом. Парнишка застенчиво взглянул на меня, и я, поняв, кто передо мной, открыла рот от изумления.

– Леви? Малыш Леви Карилло? Это ты, милый? – спросила я.

Он поднял голову, и я поймала взгляд серых глаз. Оливковые щеки юноши тут же залил глубокий красный румянец.

– Привет, Эл, – тихо ответил он, и я бросилась к юноше и крепко обняла его за талию.

Леви лишь усмехнулся и обнял меня в ответ. Я отстранилась и взяла его за руки, изучая, как же сильно он изменился.

– Леви, ты повзрослел и стал для меня слишком высоким! – пошутила я, и он опустил глаза, чтобы избежать моего взгляда, по губам его скользнула застенчивая улыбка. – Сколько тебе сейчас, милый?

– Девятнадцать, – ответил он.

Сзади подошел Роум и взъерошил парнишке волосы. Леви пихнул его локтем.

– Надо же! Уже девятнадцать!

– И он один из лучших ресиверов⁴, что ты когда-либо видела, – похвалилась Лекси и потянулась, чтобы погладить юношу по щеке. Леви широко улыбнулся, каждой клеточкой тела излучая любовь, что он испытывал к ней.

– Значит, пошел по стопам брата? – поддразнила я, заметив, как Остин сел за столик рядом с Роумом. Молли и Лекси заняли места возле своих мужей.

Взяв Леви под руку, я проговорила:

– Ну, похоже, на сегодня ты мой кавалер, Лев. Садись со мной.

Бок о бок с Леви мы направились к столу, чтобы занять свои места.

– Ты учишься, Лев? Ты приехал сюда, в Сиэтл, навестить Остина и Лекс?

– Нет, я все еще живу с ними. Сейчас я учусь в Вашингтонском университете. Перевелся сюда из Лос-Анджелеса, из Калифорнийского университета.

Я в замешательстве взглянула на него.

– Ты не остался в Лос-Анджелесе?

Остин поерзал на стуле, глядя на младшего брата. Леви опустил голову.

– Мне хотелось быть поближе к брату и Лекси. Вот и все. Команда «Хаски» не так уж плоха, и в этом году дела у нас идут прекрасно. – На его красивом лице мелькнула уязвимость, и у меня сжалось сердце.

– Ты ведь лучший игрок на этом поле, правда, братишка? – проговорил Остин, нарушая молчание. Леви поднял голову и покраснел, заметив гордость, написанную на лице брата.

Роум заказал напитки у официанта, стоявшего чуть в стороне от нас, и Остин проговорил, привлекая внимание Леви:

– Эл, Молли и Роум сказали, что ты курируешь в университете какую-то охрененную выставку?

Я рассмеялась над его словами.

– Да, я курирую какую-то охрененную выставку.

– А что? Она ведь охрененная, верно? – настаивал Остин, и Лекси рядом с ним лишь раздраженно покачала головой.

– Не обращай внимания. У него в мыслях один сплошной футбол. Он вовсе не поклонник искусства, – поддразнила она Остина, заработав в ответ хмурый взгляд. Лекси хлопнула в ладоши и снова взглянула на меня. – Расскажи нам о ней, Эл.

– Да уж, поведайте нам о выставке, мисс Элиана Лусия, – сухо произнес Роум. Для работы я пользовалась девичьей фамилией мамы, и Роум всегда подшучивал надо мной по этому поводу. А я просто не хотела, чтобы меня повсюду преследовало клеймо «Принс Ойл». Я желала сама добиться успеха, никак не связанного с фамилией.

Я взволнованно уставилась на друзей.

– Что я могу сказать? Это моя сбывшаяся мечта. Дебютная выставка мастера, и меня выбрали ее курировать. Я все еще не могу в это поверить!

– А что он рисует? – спросила Молли.

– Ничего. Он скульптор. – Я глубоко вздохнула. – Самый вдохновляющий, мужественный, темный, измученный, талантливый скульптор из всех, кого я когда-либо встречала... – Я взглянула на темнеющий залив, затерявшись в образах его скульптур, мелькающих перед мысленным взором. Каждая казалась более поэтичной и трагичной, чем предыдущая. Покачивая головой, я наткнулась на удивленные взгляды друзей и резко убрала волосы с лица. – Его работы, это... словно моя душа. Лишь так я могу их описать. В них жизнь и смерть, любовь и

⁴ Ресивер – в американском футболе игрок, специализирующийся на приеме пасов.

трагедия, и все, что находится между... любые человеческие состояния... Все. Его творения находят отклик в моем сердце.

– Элли... – позвала меня Молли, глаза ее блестели от непролитых слез.

Я ощутила влагу на щеках и поняла, что плачу. Быстро вытерев слезы, я глубоко вздохнула и нервно рассмеялась.

– Мне в самом деле нравятся его работы.

– Я заметил, – нежно проговорил Роум.

– Я так рада за тебя, – взволнованно произнесла Лекси и наклонилась вперед. – Какой он из себя? Красивый?

Остин недоверчиво взглянул на Лекси, но она этого даже не заметила или просто не обратила внимания.

Я пожала плечами.

– В этом-то все дело. Я никогда его не видела. Да и никто не видел. Он настоящий затворник. Меня нанял другой скульптор, его наставник, который и затеял все это. Он покровитель университетского музея искусств и сам живет в Сиэтле. Вообще-то, стоило бы провести выставку в музее побольше, но они решили ограничиться маленьким.

– Вин Галанти? – подсказала Молли.

– Да, ты с ним встречалась?

– Раз или два. – На лице ее расплылась улыбка. – Это вполне в его духе. Когда в музее проходила временная смешанная выставка по искусству и философии, он раздобыл для нее несколько подлинных текстов Платона. Я помогала с историей и переводами с латыни для информационных табличек. Я его просто обожаю.

– А как его зовут? – спросила Лекси, когда официант принес заказанные напитки.

– Как зовут? – переспросила я, когда передо мной поставили бокал шампанского.

– Скульптора, мистера Владельца Твоей Души! – уточнила она и закусила губу, сиюсь сдержанно подступающую улыбку.

– О, точно, прости. М-м-м... Эльпидио. Его зовут Эльпидио, – ответила я.

Рядом со мной фыркнул Остин.

– Давненько не слышал этого имени.

– Ты о нем знаешь? – спросила я.

– Так звали нашего деда, – пояснил Остин. – Маминого отца. Теперь оно довольно редко встречается...

– Значит, имя итальянское? – поинтересовалась я, взволнованная тем, что удалось узнать чуть больше о скульпторе-затворнике.

Остин, грызущий хлебную палочку, лишь кивнул и не стал вдаваться в подробности.

– Итак, Эл, – проговорил Роум и, подавшись вперед, взял бокал с шампанским и поднял его в воздух. – Признаюсь, я рад, что ты здесь с нами, в Сиэтле, и желаю удачи в новой работе.

Все подняли бокалы и пригубили шампанское.

– Я тоже рада оказаться здесь!

Глава 4. Эльпидио

Сиэтл, Вашингтон

Вин остановил машину перед домом. Я дал ему этот адрес. Он был написан на клочке бумаги, который я во время всего полета сжимал в ладони, и теперь чернила смазались, а листок смялся.

Руки дрожали, я смотрел прямо перед собой, слишком боясь повернуть голову направо и взглянуть на находившийся там дом.

Вокруг было тихо; стараясь успокоить нервы, я пытался глубоко дышать. Я чувствовал, что Вин наблюдал за мной.

– Ты в порядке, Эльпи? – нарушив молчание, спросил он.

Я открыл рот, чтобы ответить, но не смог произнести ни слова. Поэтому лишь кивнул и, глубоко вздохнув, потянулся дрожащей рукой к дверце машины. Распахнул ее и, не глядя на Вина, проговорил:

– Спасибо, что забрал меня.

– Без проблем, Эльпи, – ответил он. – Встретимся завтра в студии, ладно? Покажу место, что я для тебя приготовил. Там ты сможешь продолжить работу.

– Хорошо, – резко проговорил я и выскочил из машины, хлопнув дверцей.

Перекинув сумку через плечо, я заставил себя поднять голову и увидел перед собой огромный кирпичный особняк.

Сердце бешено колотилось в груди; подъездная дорожка чертовски напоминала «зеленую милю»⁵. Я сделал шаг вперед, и стоило подумать о том, что ждало меня по ту сторону черной входной двери, как руки задрожали сильнее.

Я заставил себя двигаться вперед, под подошвами ботинок захрустел гравий. Внутри все сжалось, и по лицу, обрамленному тяжелыми длинными волосами, заструился пот.

Все, что осталось у меня в этом мире, находилось по ту сторону этой двери. Вот только я всего этого не заслуживал. В мыслях крутились вопросы. А вдруг они меня отвергнут? Может, те единственные, кого я любил, больше не желали меня знать? Я не видел их три года, разорвал с ними связь без каких-либо объяснений. Смогут ли они меня за это простить? Или я и в самом деле остался предоставлен сам себе? И что, черт возьми, мне тогда делать?

Пока ноги несли меня вперед, я пытался прогнать засевший внутри страх; по мере приближения к дому дыхание все учащалось. Стояла тишина, лишь кое-где на окружающих особняк высоких деревьях пели птицы. Я ненавидел тишину, из-за нее постоянно кружащие в голове дерьмовые мысли казались слишком громкими.

Добравшись до входной двери, я прислушался, пытаюсь уловить внутри какие-либо признаки жизни. Но ни черта не услышал. В доме стояла та же тишина, что и здесь, снаружи. И мне она казалась странной. Я привык к крикам, лязгу металлических дверей и постоянным приказам... а не к этой пустоте. Подобный покой вызывал у меня тревогу.

В ушах гулко стучала кровь. Я поднял руку, чтобы постучать в дверь. Меня по-прежнему трясло. И я не мог унять эту чертову дрожь. Так что просто опустил голову.

Я не знал, способен ли это сделать. Ведь прошло уже столько времени... А вдруг я им больше не нужен? Я крепко зажмурился. Я вел себя как размазня!

Сжав руку в кулак, я глубоко вздохнул, открыл глаза и без дальнейших раздумий дважды постучал в дверь. И замер в ожидании ответа.

⁵ «Зеленая миля» – так назывался коридор, по которому осужденные на казнь в одноименном фильме отправлялись в последний путь.

Пока я стоял там, будто примерзнув к земле, и дрожал, как сопливая девчонка, в голове проносились сотни мыслей. Но вот за дверью послышались шаги.

Затаив дыхание, я услышал, что кто-то неспешно отпер замки, и, словно бы в замедленной съемке, заметил, как повернулась дверная ручка. За завесой волос, скрывавших лицо, я пытался привести нервы в порядок. Но тут в поле зрения возникли ноги, и я понял, кто стоял сейчас там... прямо передо мной... наконец-то, спустя столько лет.

– Я могу вам чем-то помочь?

Услышав знакомый голос, я на миг закрыл глаза.

А потом медленно поднял голову. Оказалось, он даже больше, чем я помнил. Сейчас на нем были надеты свободные серые спортивные штаны и белая футболка с короткими рукавами, обнаженные руки покрывали темные татуировки. Я с усилием оторвал взгляд от земли и посмотрел ему в глаза. И тут же отшатнулся. Мне показалось, будто я видел его лишь вчера, и сразу же в мыслях закружились тысячи мучительных воспоминаний. Тех, что я пытался подавить, иначе просто мог бы утонуть в чувстве вины.

Его темные волосы немного отросли и казались несколько длиннее, чем в нашу последнюю встречу. Я глубоко вздохнул и провел рукой по волосам, откинул их назад, обнажая большую часть бородатого лица...

Я точно уловил тот момент, когда он осознал, кто именно стоял на пороге его дома. Карие глаза стали вдруг неестественно большими. Он изумленно отшатнулся, открыл рот, словно хотел что-то сказать, но не произнес ни слова.

– Остин, – хрипло проговорил я в знак приветствия и отвернулся; я нервничал больше, чем когда-либо за всю свою гребаную жизнь. И ждал... просто ожидал, когда он меня оттолкнет.

Остин, схватившись за дверь, лишь пристально смотрел на меня. Наконец, я переступил с ноги на ногу и кивнул. Я осознал смысл его молчания: мне здесь не рады.

– Понимаю, – резко ответил я.

И отвернулся, намереваясь уйти. Но тут он шагнул вперед и прошептал:

– Аксель?

Голос Остина звучал напряженно, в нем ощущалась целая гамма эмоций. Я замер и неохотно оглянулся через плечо.

– Малыш, – ответил я, наблюдая, как изумление на его теперь возмужавшем лице сменялось самой широкой улыбкой, что я когда-либо видел. Остин выскочил за дверь и обнял меня за шею.

Никогда еще меня не сжимали так крепко.

Дрожащей рукой Остин обхватил мой затылок, притиснув меня к себе.

– Черт... Я не могу... поверить, что это ты... – Голос его звучал резко, и я, ощутив, как к горлу подступил ком, не смог произнести ни слова.

Я ждал, что Остин отстранится, но, похлопав его по спине, почувствовал, как тот дрожит. И понял, почему он все еще цеплялся за меня. Малыш плакал.

И это, черт возьми, меня доконало.

– *Fratello*⁶, посмотри на меня, – проговорил я, сдерживая слезы.

И мой младший братишка послушался. Впрочем, как и всегда.

Остин, держа меня за плечи, опустил голову и взглянул мне в лицо. Я видел, что из глаз его капали слезы. Я схватил брата за затылок и, притянув обратно к груди, прошептал:

– Я чертовски скучал по тебе, малыш.

– *Lo giuri?*⁷ – дрожащим голосом спросил Остин, уткнувшись мне в рубашку.

⁶ Брат (*ит.*).

⁷ Клянешься? (*ит.*).

Я лишь усмехнулся.

– *Lo giuro*⁸.

Отодвинувшись, Остин оглядел меня и недоверчиво покачал головой.

– Как... Акс, черт возьми, как ты выбрался? И как здесь оказался?

– Хорошее поведение, Ост.

Гордость, вспыхнувшая на его небритом лице, почти сломила меня. Я не понимал, почему он всегда так верил в мою жалкую задницу.

Я этого не заслуживал. Как и его самого в качестве брата... Совершенно.

Остин обнял меня за плечи и проговорил:

– Я всегда знал, что ты справишься. Сумеешь не высовываться и двигаться вперед. – Остин взлохматил мне длинные волосы и потянул меня в дом. – Что за хрень с этими космами и бородой? Ты всегда ходил лишь с короткой стрижкой.

– Не знаю. Просто не потрудились их обрезать.

Остин вдруг замер. Я почувствовал его пристальный взгляд. И посмотрел на него, удивленно подняв брови.

– Что?

– Я просто с трудом узнаю тебя, вот и все. Словно ты другой человек. И... – Взгляд его карих глаз впился мне в левую щеку. Я поднял руку и коснулся места, где прежде находилась стидда, черная татуировка в форме звезды, сообщавшая всем, что жизнь моя посвящена Холмчим. – Ты закрыл ее...

Я отвел взгляд.

– Да... – только сказал я и больше не стал ничего пояснять.

– Почему? – настаивал он.

– Просто так, малыш.

– Распятием? – поинтересовался он, но я лишь пожал плечами. Остин все еще не сводил с меня взгляда, однако я не собирался продолжать эту тему.

– Ты же убрал свою, – заносчиво проговорил я.

– Я больше не живу той жизнью, Акс. Пришло время покончить с прошлым дерьмом.

Я понимающе кивнул, и Остин, будто уловив намек, повел меня внутрь.

Когда мы вошли в дом, я почувствовал, что Остин не сводил с меня взгляда, словно боялся, что я могу исчезнуть, стоит ему отвернуться. Он по-прежнему держал меня за плечи.

Остин взял у меня сумку и поставил ее на черный мраморный пол. Я огляделся вокруг и затаил дыхание, смущенный тем, что находился в подобной обстановке. Для меня привычными казались тонкие стены, жестяные крыши и пластиковые окна трейлеров. Или же каменные полы и металлические двери камер. Но никак не гребаные особняки, в одном из которых я сейчас и находился... И этот дом мой младший брат купил на свои деньги, заработанные за счет собственного таланта. Это казалось чертовски нереальным.

Остин хлопнул меня по спине, и я покачал головой.

– Что? – спросил он, когда я жестом указал на большой коридор и гостиную с телевизором, которая больше напоминала гребаный кинотеатр.

– Ты хорошо поработал, малыш.

Остин опустил глаза.

– Я же тебе обещал. Сказал, что, когда ты выйдешь, у меня будет дом, в котором и ты сможешь жить.

В горле снова появился ком, и Остин, кажется, понял, что я сейчас не смогу сказать ни слова.

⁸ Клянусь (*ит.*).

– Остин? Малыш? Кто приходил? – донесся справа из коридора женский голос. Кажется, там находилась кухня. А вскоре появилась и сама цыпочка, темноволосая, маленькая и тощая.

Внутри у меня все перевернулось.

«Вот черт. Лекси».

– Малыш? – вновь позвала она; девушка шла, опустив голову, вытирая кухонным полотенцем только что вымытый стакан.

Остин застыл рядом со мной. И стоило Лекси поднять взгляд, как она отпрыгнула, пораженная увиденным.

– Акс... Аксель?.. – прошептала она. Ее руки задрожали так сильно, что стакан, который она держала, упал на пол и разбился вдребезги.

– Эльфенок, – проговорил Остин, и я услышал беспокойство в его голосе. – Черт, эльфенок, ты в порядке?

Взгляд ее огромных зеленых глаз метнулся к Остину. Лекси кивнула и тут же снова уставилась на меня.

Остин встал перед ней и, коснувшись ладонями ее щек, заставил Лекси повернуться к нему.

– Эльфенок, посмотри на меня. – Она перевела на него взгляд. – Ты в порядке?

Она медленно кивнула, и Остин, словно защищая, заключил ее в объятия. Будто бы оберегал от меня. Я знал, что у Лекси проблемы. Черт, я слышал, что она чуть не умерла. Лев поведал об этом, когда пять лет назад позвонил мне из больницы и накричал за то, что я втянул их в неприятности.

Сердце забило чаще, когда я понял, как сильно она меня боялась. Лекси казалась чертовски напуганной.

– Лекси, – поздоровался я, но прозвучало это довольно резко.

Она не сводила с меня взгляда зеленых глаз. Остин лишь крепче прижал ее к себе.

– Аксель, – дрожащим голосом ответила она. И мне явно стало не по себе.

Я сделал шаг вперед и заметил, как она напряглась. Поэтому замер на месте и поднял руки, показывая, что не нес угрозы.

– Слушай, Лекси, я хочу извиниться за то, как с тобой обращался. Я вел себя ужасно. Словно чертов засранец. – Я опустил голову, даже на расстоянии ощущая напряжение Остина. – Но теперь я стал другим.

Довольно долго Лекси просто молча на меня смотрела. А затем, глубоко вздохнув, перевела взгляд на Остина.

– Эльфенок? – спросил он.

Лекси протянула руку и подушечкой большого пальца стерла влагу, все еще остававшуюся на щеках мужа. Я заметил, что в ее глазах тоже блеснули слезы.

А потом она опустила плечи, будто признавая поражение, и повернулась ко мне.

– Это в прошлом, Аксель. Тогда нам всем пришлось не сладко. И мы поступали так, как считали верным, чтобы выжить. Но что было, то прошло.

С меня словно свалилась огромная тяжесть.

– Эльфенок, – прошептал Остин, и я услышал в его голосе благодарность. Ведь теперь вышедший из тюрьмы брат получил возможность войти в этот дом и, черт возьми, ворваться обратно в жизнь семьи.

Остин обнял жену, и я не смог отвести от них глаз. На самом деле я никогда прежде не задумывался, насколько сильно мой брат любил Лекси. И уж тем более меня не волновали ее чувства к нему. Полагаю, когда тебя тащат в ад, просто не думаешь о том, на что могла бы быть похожа иная жизнь.

А вот мой брат явно размышлял над этим. И всерьез. Он выбрался из трясины трейлерного парка и добился, чего хотел.

– Остин? Лекси? Вы не видели мои бутсы? Мне нужно на тренировку, – донесся сверху низкий голос.

Внутри у меня все сжалось. Сердце, казалось, пропустило удар, словно бы я страдал от какой-то чертовой болезни. Ведь я точно знал, кто произнес эти слова.

– Лекс? Ты видела мои бутсы?

На втором этаже раздались шаги. Остин и Лекси переглянулись, а потом дружно уставились на меня. На лицах обоих читалось беспокойство. Как раз в этот миг на ступеньках замелькали чьи-то ноги. И вскоре в поле зрения возник высокий, подтянутый парень. Мой младший брат Леви.

Заметив, насколько он вырос, я приоткрыл рот от удивления. Леви выглядел взъерошенным, будто бы только что встал с постели. На нем были темно-синие спортивные штаны и майка с надписью: «Хаски, Вашингтонский университет» на груди. Опустив глаза, он искал на лестнице свои бутсы. А потом поднял взгляд и вздрогнул, на губах его появилась застенчивая улыбка.

Но уже через миг в серых глазах мелькнуло удивление, а улыбка сменилась гримасой. Он судорожно вздохнул и стиснул руки в кулаки.

Леви ринулся вниз по лестнице. Лекси встретила его на нижней ступеньке и потянулась, чтобы схватить парня за руку.

– Леви...

– Какого хрена он здесь делает? – холодно процедил Леви сквозь стиснутые зубы и выдернул руку из пальцев Лекси.

Остин шагнул вперед, чтобы перехватить брата.

– Лев...

– Какого хрена он здесь делает?

В груди зародилось отчетливое ощущение, что мне здесь не рады. Леви просто пылал от ярости.

– Леви, успокойся! – велел Остин, но парень лишь недоверчиво покачал головой.

– Успокоиться? Успокоиться, черт возьми? Да ты что, издеваешься?

– Он наш брат, Лев! Какого хрена с тобой происходит? – крикнул Остин, он по-прежнему стоял рядом с Леви.

Но парень не мог успокоиться. Он оттолкнул Остина в сторону и шагнул вперед. В глазах Леви вспыхнуло пламя, и он прорычал:

– Какого черта ты здесь делаешь? И почему не гниешь в камере, где тебе самое место?

Лекси бросилась вперед и сжала руки Леви.

– Леви, пожалуйста...

Но парень не сводил с меня глаз. Подросток, который лишь минуту назад спускался по лестнице, ища бутсы, теперь выглядел истинным Карилло, всем своим видом напоминая бывшего члена банды Холмчих, жесткого маленького засранца, которого я из него сотворил.

Ненависть, читавшаяся сейчас в светло-серых глазах, которые прежде взирали на меня лишь с любовью и уважением, просто уничтожила меня.

– Леви, посмотри на меня, – вновь проговорила Лекси.

А я глубоко вдохнул и шагнул вперед, снова столкнувшись взглядом с младшим братом.

– Лекси, все в порядке, – произнес я.

Она резко обернулась ко мне. Я видел на ее лице тревогу и огорчение. Я взглянул на Остина и кивнул. Он ответил мне тем же.

Остин взял Лекси за руку и притянул к себе, что-то прошептав ей на ухо.

Глубоко вздохнув, я повернулся к Леви.

– Лев, я знаю, что ты злишься...

– Злюсь? – резко бросил он и придвинулся еще ближе; костяшки его пальцев побелели, так крепко он сжимал кулаки. – Да ты даже представить себе не можешь, что я чувствую, увидев тебя здесь, в нашем доме. – Я заметил, как он глубоко вздохнул. – Тебе еще пять лет надлежало держаться от нас подальше. А сюда вообще приезжать не следовало.

– Всегда предполагалось, что он приедет сюда, Лев. Как только выйдет на свободу, Аксель поселится здесь... с нами, – проговорил Остин откуда-то сзади, и Леви обернулся. Остин положил руку ему на плечо. – Он наш брат, Леви. Несмотря ни на что, мы здесь, чтобы его поддерживать. Мы – Карилло.

Я хотел заговорить, даже попытался, но вдруг осознал, что, если открою рот, то просто расклеюсь, как чертов слюняй. Малыш Остин всегда прикрывал мне спину. Даже сейчас, когда я на несколько лет разорвал с ним связь, он вел себя так, будто в прошлом у нас не было никаких проблем.

Леви сжал губы, и на лице его появилось отвращение.

– Мы должны его поддерживать? Правда? – Он попытался шагнуть ко мне, но Остин его удержал. Казалось, от этого Леви только сильнее разозлился. – Скажи мне, Остин, а где был наш брат, спешно удрав после передоза Портера? Или когда тебе пришлось работать вместе с Джио и пожертвовать своим будущим? Когда мама лежала при смерти и мы чуть не потеряли Лекси? И где он был, когда мы развеяли мамин прах во Флоренции, единственном месте, которое она когда-либо называла домом?

В устах Леви слово «брат» прозвучало почти как «мусор», словно я для него ничего не значил. И каждый раз, как он обвинял меня в совершенных грехах, я чувствовал, что умираю изнутри.

Какого хрена я вернулся? О чем я вообще думал?

– Нет, Ост, – продолжил Леви, скривив губы, словно бы я был кучей дерьма, в которую он только что вляпался. – Никакой он нам не брат. Он не Карилло... Он просто чертов неудачник, бывший заключенный, который ничего не добьется в жизни. И он приехал сюда, чтобы пользоваться твоими деньгами и вновь тянуть нас за собой вниз.

Покраснев, Леви оттолкнул руку Остина, подошел к шкафу под лестницей, чтобы взять спортивную сумку, и, не оглядываясь, вышел из дома. Остин, Лекси и я ошеломленно застыли в молчании.

Лекси отошла от Остина и метнулась к двери.

– Леви! Подожди! – услышал я ее крик, донесшийся с подъездной дорожки.

А потом, заглушая слова, раздался шорох шин по гравию. Лекси тут же вернулась обратно.

– Остин! Мы должны пойти за ним.

Остин провел рукой по лицу и покачал головой.

– Нет, эльфенок, оставь его. Ему нужно остыть.

Наблюдая за явно напряженным Остином и утирающей выступившие слезы Лекси, я лишь качнул головой.

«Мне не стоило здесь появляться».

Подойдя к входной двери, я подхватил с пола сумку и вышел на улицу.

– Акс, подожди! – крикнул Остин.

Ссутулившись, я неохотно замер на месте. Мне просто хотелось убраться отсюда к чертовой матери. Здесь меня не хотели видеть.

– Акс, что ты делаешь? – спросил Остин и встал передо мной, преграждая путь.

– Послушай, малыш, сперва мне стоило позвонить и сообщить, что я на свободе. Не следовало приезжать сюда, вот и все... Я просто думал... Черт, не знаю... Да ни о чем я не думал...

– Ты думал, что братья будут рады тебя увидеть.

Опустив глаза, я кивнул.

– Да, но мне следовало бы знать. Я разрушил вам жизни, несколько лет не общался с вами, а потом появился на пять лет раньше положенного срока. Я все понял, малыш.

Остин схватил за ремень мою сумку и поднял ее с земли. Я неохотно взглянул на него и хотел уже возразить, но он махнул рукой, прерывая меня.

– Ничего ты не понял, Акс, – натянуто проговорил он и оглянулся на Лекси, которая чуть улыбнулась сперва ему, а потом и мне. Вновь переведя на меня взгляд темных глаз, он добавил: – Но, полагаю, ты вышел раньше, чтобы совершить что-то хорошее. Аксу, которого я знал, всегда это удавалось. Вот только он никогда не умел делать правильный выбор. – Остин перекинул сумку через плечо и направился к лестнице, продолжив на ходу: – Но ты направился сюда напрямик из тюрьмы. Так что, похоже, впервые в жизни начал рассуждать здраво.

Я откинул с лица длинные волосы, наблюдая, как Остин поднимался по лестнице.

– Остин, я найду, где остановиться. Лев чертовски ясно выразил свои чувства. Мне здесь не рады. Не хочу находиться там, где меня не желают видеть.

Остин замер на полушаге, продолжая смотреть прямо перед собой. Он молчал секунд двадцать, но тишина показалась мне удушающей.

– Я скучал по тебе, Акс, – наконец, проговорил он. Голос Остина дрогнул, и я ощутил застрявший в горле ком, на глаза навернулись слезы. – Ты мой старший брат, Акс. Мы всегда были вместе. Лев тогда еще недостаточно подрос, чтобы что-то понимать, и все свалилось на нас с тобой... Я люблю тебя. Ты – моя кровь. И я не хочу, чтобы ты вновь куда-то уходил без меня.

Я отвернулся, не в силах смотреть на мучения Остина. Но вдруг ощутил рядом с собой Лекси. Когда я вновь взглянул на лестницу, Остин уже исчез, оставив нас наедине со своей женой.

– Когда несколько лет назад ты без объяснения причин начал отклонять его просьбы о посещении, он был просто раздавлен...

Я резко повернул голову вправо и заметил, что Лекси смотрела вслед ушедшему Остину. Потом она вновь перевела взгляд на меня.

– Ему многое пришлось пережить: смерть мамы, отбор, переезд в Сан-Франциско. – На глазах у нее выступили слезы, и Лекси вытерла щеки. – А еще я... Мне требовалась помощь, и ему со многим пришлось справляться... пока я не пришла в себя, что оказалось совсем нелегко. – Лекси фыркнула и коснулась ладонью моего плеча. – Каждый день он говорит о тебе. И постоянно задается вопросом, что ты делаешь, и все ли у тебя в порядке... и смотрит ли на тебя мама.

– Лекси... – прошептал я и замолчал, эмоции сдавили горло. Я и представить себе не мог, сколько всего Остин взвалил на себя, пока я гнил в проклятой камере, будучи не в силах ничего сделать и желая лишь покончить с этой жизнью.

– Он считал дни до твоего освобождения, чтобы появиться у ворот тюрьмы, когда ты выйдешь на свободу. И с нетерпением ждал, когда сможет привезти тебя домой.

Я на мгновение закрыл глаза и судорожно вздохнул.

– Черт, Лекси... но Леви...

– Он все еще переживает из-за смерти мамы. Он слишком молчаливый, держит все в себе.

– Правда? По мне, так он достаточно ясно выразил свои чувства ко мне, без каких-либо трудностей, – ответил я.

– И именно поэтому твое присутствие здесь – просто благословение.

Я в замешательстве нахмурился, и Лекси пожала плечами.

– С тех пор, как мы уехали из Алабамы, я впервые видела, чтобы Леви проявил столько эмоций. Пять лет он держал все внутри. А ты что-то всколыхнул в нем.

– Ненависть, – проговорил я, всем своим существом ощущая правдивость сказанного. Лекси сжала мне руку и направилась прочь, но все же оглянулась и произнесла:

– Любовь. Лишь она одна способна расшевелить Лева. Я знаю его достаточно, чтобы это понимать. Ведь причиняют боль только тем, кого любят. Думаю, твое присутствие здесь заставит его столкнуться с тем, что он пытался похоронить глубоко внутри. И ему придется бороться со своим горем.

Лекси вновь направилась в кухню, но я позвал ее:

– Лекси?

Она повернулась и грустно улыбнулась мне.

– Почему ты меня не выгоняешь? – Я смущенно опустил голову. – Я угрожал тебе, пугал... Черт, да я хотел от тебя избавиться. – Когда я встретился с ней взглядом, то ощутил, что мне по-настоящему стыдно. – И я бы даже не колебался, если бы Ост меня не остановил. Я... я бы это сделал, Лекси. Понимаешь? Причинил бы тебе вред, чтобы защитить Холмчих.

Лекси сглотнула, и я увидел, как на миг на лице ее вспыхнул неприкрытый страх.

– Знаю, Аксель. Я не хуже тебя помню твои угрозы. В тот момент я видела решимость в твоих глазах. Но я пытаюсь стать сильнее, а, если буду цепляться за ненависть, то так и останусь слабой. – Она вновь взглянула на лестницу, и я услышал донесшийся сверху звук. Похоже, кто-то открыл, а потом закрыл дверцы шкафа. – И Остин любит тебя.

Я нахмурился. И Лекси это заметила.

– Я у Остина на первом месте. Я – все для него. И уже давно. Он оберегает меня и не позволит, чтобы случился рецидив или я подверглась какой-либо опасности.

Я молча смотрел на нее, и Лекси покраснела. На лице девушки ясно читалось, как сильно она любила моего брата. И я ощутил неловкость. Прежде я не встречал подобной любви и точно знал, что за всю свою жизнь не смогу стать для кого-либо настолько же важным.

Лекси вздохнула.

– Аксель, если бы Остин думал, что ты хоть сколько-то опасен для меня или Леви, ты бы сейчас здесь не стоял. Мой Остин полностью тебе доверяет. А поскольку я знаю, что муж никогда не позволит меня тронуть, то тоже верю, что ты изменился... Полагаю, что скрытый глубоко внутри тебя Аксель, которого так любит Остин, наконец-то выбрался на поверхность. – Лекси обвела обручальное кольцо на пальце. Встретившись со мной взглядом, она указала подбородком в сторону лестницы. – Тебе лучше подняться наверх и сказать ему, что ты остаешься. Судя по всему, он уже распаковал твои вещи. С тех пор, как мы переехали, он приберег для тебя спальню.

Лекси исчезла в кухне, а я еще стоял какое-то время в прихожей, предоставленный сам себе. В голове крутились сказанные ею слова, и, даже не успев осознать, что делаю, я уже поднялся по длинной винтовой лестнице и оказался в огромном коридоре с кучей дверей, расположенных по обеим сторонам.

Я услышал звук выдвигаемого ящика и направился в ту сторону, откуда он доносился, по пути рассматривая висящие на стенах фотографии. Остин на отборе, одетый в костюм, сжимает майку «Форти найнерс», а потом, уже этим летом, подписывает контракт с «Сихокс». Леви заканчивает среднюю школу, и на щеке у него нет стыда. Заметив это, я почувствовал смесь стыда и гордости. Я стыдился того, что он вообще ее заработал, но гордился, ведь теперь он стал совсем другим.

Я почти добрался до комнаты, но заметил висевшую в конце коридора фотографию, по размеру большую, чем все остальные, и замер на месте.

Мама.

На вид ей казалось примерно столько же, как сейчас Леви. И она пела на сцене в Вероне.

Не знаю, сколько я там простоял, но, когда борода намокла от слез, а ноги онемели, понял, что прошло довольно много времени.

Я ощутил жгучий стыд и чуть не рухнул на колени.

Я подвел маму. Она просила, умоляла меня встать на правильный путь и спасти братьев. Вместо этого я приговорил их к жизни банды, в то время как БАС⁹ приковал ее к постели, и она ничем не могла им помочь. Остин и Леви стреляли в людей, торговали наркотиками... а я все время лишь подстрекал их к этому.

– Это моя любимая, – проговорил подошедший сзади Остин, но я не обернулся. Просто не мог отвести взгляда от улыбающегося лица мамы. – Она хранилась в сундуке, что стоял у мамы под кроватью. Я и не знал об этом. А здесь бабушка с дедом, которых мы даже не видели. – Остин помедлил, а потом встал рядом со мной. – Наши детские фотографии... Так много чертовых снимков.

Я по-прежнему молчал. Не мог говорить.

– Она знала, что ты ее любишь, – хрипло произнес Остин, будто бы понял, что терзало меня изнутри.

Я больше не способен был это вынести. И так слишком больно... Я не мог ни говорить о маме, ни смотреть на нее, молодую и здоровую. Когда я видел ее в последний раз, она лежала на дерьмовой крошечной кровати, запертая в своем сломленном теле. Поэтому я вытер глаза и повернулся к Остину.

Он выглядел таким же опустошенным, как и я.

Я открыл рот, намереваясь что-то сказать, но он прервал меня:

– Ты остаешься, Акс. Я не позволю тебе уйти.

Мне пришлось кивнуть.

Глубоко вздохнув, я обнял Остина за шею, и он повел меня в самую большую спальню, что я когда-либо видел. Я привык к вызывающей клаустрофобию камере размером шесть на восемь футов. И эта комната казалась просто сном.

– Я распаковал твои вещи.

– Спасибо, малыш, – тихо проговорил я и подошел к окну, из которого открывался вид на тихое, спокойное озеро.

Я чувствовал, как Остин топтался у двери, спиной ощущая его пристальный взгляд.

– Спрашивай, Остин, – произнес я, не оборачиваясь.

Я услышал, как скрипнула половица.

– Просто... интересно, что ты собираешься делать здесь, в Сиэтле?

Я лишь усмехнулся про себя. Что бы он сказал, если бы я открыл ему настоящую причину, по которой приехал в Сиэтл?

– Предполагалось, что я стану работать на каком-то рыбном рынке у причала. – Я пожал плечами. – Таково условие моего досрочного освобождения. Начинаю завтра.

Младший брат облегченно вздохнул.

– Я горжусь тобой, Акс, – проговорил он, голос его звучал искренне. – У меня в гараже до сих пор стоит твой старый «Эль Камино»¹⁰. Когда я переехал, то не смог с ним расстаться. Я его починил, заново покрасил и сменил обивку.

При мысли о том, что он сотворил с моей старой машиной, сердце упало. Когда-то я заботился о ней, наверное, даже больше, чем о собственной семье.

Я обернулся, чтобы поблагодарить Остина, но он уже ушел. Я снова выглянул в окно и заметил вдалеке футбольный стадион команды «Хаски». Мысли мои вновь вернулись к Леви...

⁹ Боковой (латеральный) амиотрофический склероз – прогрессирующее нейродегенеративное заболевание центральной нервной системы. Вызывает полное разрушение и гибель периферических и центральных двигательных нейронов. Встречается довольно редко.

¹⁰ «Эль Камино» – автомобиль американской компании «Шевроле», выпускаемый в 1959–1960 и 1964–1987 годах.

«Никакой он нам не брат. Он не Карилло... Он просто чертов неудачник, бывший заключенный, который ничего не добьется в жизни. И он приехал сюда, чтобы пользоваться твоими деньгами и вновь тянуть нас за собой вниз».

Я уже ни на что не надеялся.

Глава 5. Элли

Неделю спустя

Я вытерла пот со лба и села, не сводя взгляда с последнего, только что открытого деревянного ящика. В нем находились работы Эльпидио, присланные для выставки.

Я затаила дыхание и осторожно сняла защитную упаковку. Под ней оказалась единственная мраморная скульптура, которая просто убивала меня каждый раз, когда я видела ее в журнале или на фотографии. Однако в этот раз я пролетела сотни миль, чтобы лицезреть ее воочию.

Пенопласт постепенно уступил место гладкому белому мрамору, и на глаза навернулись слезы. Я и в самом деле вновь видела ее вживую. Во плоти. Во всем ошеломляющем совершенстве.

Я бросила взгляд на часы и отметила, что полночь миновала пятнадцать минут назад. Я провела здесь целый день, пытаясь разместить скульптуры в нужных местах и оценить производимое впечатление.

Оказалось, весьма непросто придать выставке какую-то определенную тему. Я чувствовала, что между скульптурами есть некая связь, настоящая история, но в этом мне еще предстояло разобраться. И я сомневалась, что смогу справиться сама, без участия скульптора.

Краем глаза я уловила какое-то движение. Кристоф, ночной охранник, совершал обход. Заметив меня, он изумленно отпрянул.

– Мисс Лусия, вы чуть не довели меня до инфаркта! Я не знал, что вы здесь.

– Простите! – извинилась я. – Я пытаюсь вытащить из упаковки последнюю скульптуру, чтобы завтра расставить их по нужным местам. Она сделана из мрамора и невероятно высокая, так что...

Кристоф улыбнулся и подошел, чтобы мне помочь. Всего за несколько минут мы вынули ее из деревянного ящика и сняли упаковку. Когда скульптура явилась во всей красе, мы отступили назад. При виде открывшегося зрелища я прикрыла рукой рот.

Скульптура казалась безупречной.

Какое-то время я не отрываясь смотрела на нее... разглядывала двухстороннюю белую девушку-ангела высотой в шесть футов. С этой стороны она протягивала руки, будто умоляя, и в ладонях держала кучку черного пепла. Из проведенных исследований я знала, что сейчас передо мной находилась сломленная сторона ангела.

Ее крылья обтрепались и порвались, а прекрасное лицо исказилось от боли... Хотя нет, на нем читались страдания. Тело напрялось. Казалось, она изо всех сил пыталась стоять прямо. От некогда красивого платья остались лишь лохмотья, покрытые грязными пятнами. Тонкие, свалившиеся волосы беспорядочно свисали до середины спины, а безжизненный взгляд неестественно широко раскрытых глаз накрепко западал в память.

Она заставляла болезненно ныть мое сердце. Словно бы в этой скульптуре жила душа, воплощающая чувства, что испытывал творец, когда усердно вырезал каждый изгиб фигуры и выражение ангельского лица. Я будто бы сама ощущала мучительную боль и внутреннюю муку сломленного ангела.

Ни одна фотография, что я когда-либо видела, и близко не передавала дух этой скульптуры. И возможность лицезреть ее вживую походила на дар небес.

Глубоко вздохнув, я медленно двинулась на другую сторону. И там мной полностью завладели эмоции, а по щекам потекли слезы.

Эта девушка-ангел, в противоположность другой ипостаси, была потрясающе красива. Она стояла прямо и казалась совершенно здоровой, а надетое на ней платье в римском стиле

подчеркивало прекрасные формы. С безмятежной улыбкой девушка запрокинула лицо к небу. Густые длинные волосы ниспадали до самой талии. Я будто бы ощущала, как горячее солнце целовало ей щеки, а тепло обволакивало тело, словно объятие. Она широко расправила ангельские крылья и подняла изящные руки вверх, кажется, намереваясь взлететь. Черный пепел, что так отчаянно удерживала ее другая ипостась, здесь был рассеян по земле.

Она вырвалась на свободу.

С каждой минутой сердце билось все быстрее. Я будто оказалась у этой статуи в плену. Даже не знаю, сколько я там простояла.

Но, наконец, вырвавшись из транса, я вытерла глаза и рассмеялась. Эта скульптура буквально разорвала меня на части.

– Прости, Кристоф, порой я слишком эмоционально отношусь к работам Эльпидио...

Я отвела взгляд от безымянной скульптуры и осмотрелась вокруг, только сейчас заметив, что галерея совершенно пуста. Лишь звуки невеселого смеха эхом отражались от куполообразного стеклянного потолка.

Я снова рассмеялась при мысли, что, должно быть, отпугнула Кристофа, провела руками по небрежно завязанному хвосту и похлопала себя по щекам. Мне нужно домой. Я просто безумно устала.

Бросив на скульптуру последний задумчивый взгляд, я направилась в туалет, чтобы умыться. И пока смотрела на свое отражение в зеркале над раковиной, сердце парило, ведь я оказалась здесь. Эта экспозиция меня совершенно очаровала.

Я твердо верила, что ни одна из курируемых мной прежде выставок не способна сравниться с этой. Я была просто одержима привезенными работами.

Более того, не могла избавиться от мыслей, что же пережил скульптор, чтобы суметь создать подобные творения. Наверняка ничего хорошего. И сердце обливалось кровью за него.

«Возьми себя в руки, Элли», – отругала я себя и направилась к выходу из туалета, намереваясь поехать домой.

Уже у самого выхода из музея я поняла, что забыла свой блокнот. Дома еще придется посидеть над проектом; нужно немного изменить схему расстановки. Все разработанные прежде варианты мне не нравились. Чего-то в них не хватало, хотя подобного раньше со мной не случалось.

Развернувшись, я быстро направилась обратно в галерею.

Я увидела блокнот, лежащий на пустом ящике, и решительно зашагала к нему. И тут краем глаза заметила мужчину, застывшего рядом с фигурой ангела.

Я испугалась. Что он делал здесь в такой час, ведь уже давно за полночь? Я осторожно двинулась вперед, намереваясь вызвать охрану, но тут же резко замерла. Мужчина оказался высоким, хорошо сложенным, и одет был во все черное: черные джинсы, черная рубашка с длинным рукавом, отросшие каштановые волосы он собрал в низкий хвост. Но не это заставило меня остановиться. Мужчина неподвижно замер возле главной скульптуры. А потом протянул руку и коснулся раскинутого крыла. Он опустил голову, так что мне не удалось разглядеть лицо. Его плечи вздрагивали. Казалось, что мужчина плакал. Будто бы оплакивал ангела.

Я не могла пошевелиться. Похоже, мужчина страдал, и, глядя на его мучения, я ощутила, как что-то сжалось в груди.

Решившись позвать Кристофа, я шагнула вперед, но каблук ботинка неожиданно громко клацнул по полированному бетонному полу. Я вновь бросила взгляд на мужчину. Теперь он стоял прямо, а лицо скрывалось в тени огромной скульптуры.

Мы оба неподвижно замерли. В комнате воцарилась такая тишина, что, казалось, можно было услышать звук упавшей булавки.

– Это частная галерея, – наконец, смогла выговорить я.

Плечи мужчины напряглись.

Вытянув шею, я попыталась получше его рассмотреть, но он, казалось, ожидал подобного и отступил дальше, скрываясь от моего взгляда.

– Галерея закрыта для посетителей. Вам и правда не стоит здесь находиться, – нервно добавила я.

Через миг мужчина убрал руку с порванного крыла скульптуры, но, казалось, сделал это скрепя сердце.

А потом, резко опустив голову, повернулся и выбежал из галереи.

Я смотрела ему вслед, и сердце бешено колотилось в груди.

Что, черт возьми, это было? Почему я внезапно ощутила себя словно в вакууме, и воздух просто исчез из легких? И, что еще важнее, зачем он появился здесь поздно ночью и стоял, страдая, перед скульптурой ангела?

Решительно стряхнув с себя оцепенение, я схватила блокнот и сумочку и направилась к стойке охраны, где Кристоф наблюдал за поступающими с камер изображениями.

– Кристоф? – позвала я, и он поднял голову. Я вздохнула и облокотилась на стойку. – Нельзя позволять студентам слоняться по музею в нерабочее время и особенно входить в мою галерею. Многие хотят увидеть эти скульптуры вблизи и готовы на что угодно, чтобы взглянуть на них хоть украдкой.

Кристоф нахмурился.

– Уверяю вас, мисс Лусия, здесь нет и не было никого из студентов.

Я на миг раздраженно прикрыла глаза.

– Кристоф, да вот только что. Буквально минуту назад я застала студента в галерее, и он прикоснулся к главной скульптуре. А если бы он ее разбил?

Кристоф поднялся на ноги и тоже оперся на черную гранитную стойку, на его лице все еще отчетливо читалось замешательство. Он взял журнал посещений и просмотрел имена на странице.

– Нет, в этот час здесь были только вы двое.

Я уже хотела начать спорить, но тут осознала смысл сказанных им слов.

– Мы двое? – переспросила я, не понимая, кого он имел в виду.

Кристоф снова проверил список.

– Да, вы и скульптор.

Я перевела взгляд на журнал в его руках.

– Эль... Эльпидио? – потрясенно пролепетала я. Ощувив в животе нечто, похожее на бабочек, я с усилием проговорила: – Сюда приходил Эльпидио, скульптор, чью выставку я курирую?

Кристоф посмотрел на меня как на ненормальную. Да и у меня самой возникли подобные мысли.

– Мисс Лусия, Эльпидио приходил каждую ночь примерно в это же время, чтобы проверить, как идут дела. Я думал, вы в курсе. Вин Галанти разрешил это еще прежде, чем вы оба прибыли в Сиэтл.

Я ощутила внутреннюю дрожь и заметила, как затрясся блокнот, который держала в руке. Я положила его на стойку. Эльпидио приходил каждую ночь?

А, значит...

– Кристоф, сегодня он был в черной одежде? И у него длинные темные волосы?

Кристоф кивнул.

– Он всегда носит черное. И никогда ничего не говорит. – Кристоф подался вперед. – Он из мрачно-задумчивых творцов. И, честно говоря, пугает меня до чертиков. Весьма устрашающий парень.

– О боже... – прошептала я.

Я только что его видела... Он был здесь... Приходил сюда, а я даже не знала...

Внезапно я накрыла руку Кристофа своей.

– Кристоф, в какую сторону пошел Эльпидио?

– Он вышел через заднюю дверь на стоянку для персонала. Там он каждую ночь оставляет машину.

Я тут же помчалась к выходу для персонала. И, распахнув дверь, окунулась в прохладную ночь. Я беспомощно наблюдала, как со стоянки выехал черный пикап и помчался прочь от музея.

Я не двинулась с места, позволяя свежему ветерку ласкать покрасневшее лицо. Стараясь успокоить бешеное биение сердца, я крепко зажмурилась. И представила его, стоявшего возле скульптуры. Он напрягся и опустил голову, сжимая крыло ангела так, словно лишь это прикосновение не давало ему упасть на пол.

Проследив взглядом за угасающими огнями его машины, я прошептала вслух:

– Что же случилось в твоей жизни? Почему ты так сильно страдаешь?

Глава 6. Элли

Об этом никто никогда не узнает. Мгновение чистого безумия стоит держать при себе.

Это граничило с нелепостью. И тем не менее я стояла сейчас в туалете музея. Я подкрасила губы бледно-розовым блеском и расчесала длинные темные волосы, ниспадавшие до самой талии. На мне была простая серая футболка без плеч, облегавшая фигуру, и узкие черные джинсы. Работая в галерее, я никогда не наряжалась; слишком много пыли и беспорядка. И одевалась примерно так же, как и сегодня. Но, конечно, в половине первого ночи посреди недели я обычно не наносила макияж на случай, если здесь объявится скульптор-затворник.

Тот самый, которого я не могла выбросить из головы. О ком грезила прошлой ночью. Тот, что плакал, держась за порванное крыло мраморного ангела. Высокий, широкоплечий, угрюмый скульптор, сбежавший, лишь заслышав мой голос.

Я жутко нервничала от одной лишь мысли о том, каково это – встретиться с Эльпидио лицом к лицу. И молилась всем святым, дабы он не оказался напыщенным придурком. Мне не хотелось, чтобы мечты об этом человеке разбились вдребезги.

В последний раз убедившись, что выгляжу неплохо, я вернулась в галерею и взглянула на стойку охраны, проверяя, там ли Кристоф. Его не было. Вероятно, это значило, что Эльпидио так и не появился.

Проклятье. Должно быть, увидев меня здесь вчера, он испугался. Если бы я только знала, что он приходит по ночам, то могла бы представиться... И, наконец-то, познакомиться с человеком, чьи работы похитили мое сердце.

Разочарованно опустив голову, я медленно прошла в галерею и раздвинула темные шторы, оказавшись в частном рабочем пространстве. Бриджит, директор музея, распорядилась повесить их сегодня днем после моих многочисленных жалоб на студентов с факультета искусства и посетителей, пытавшихся попасть на еще не до конца оформленную выставку.

Когда шторы сомкнулись позади меня, я удивленно подскочила, заметив впереди какое-то движение.

Я увидела ноги в черных джинсах, а потом медленно подняла взгляд выше, к рельефной талии и торсу, обтянутому черной рубашкой с короткими рукавами, испачканной чем-то, весьма похожим на мраморную пыль.

Я рассматривала скульптурно вылепленные мышцы на руках, отчетливо заметные под оливкового цвета кожей, покрытой многочисленными татуировками, и сердце бешено колотилось в груди. А после скользнула взглядом по мускулистой шее, частично скрытой темной взъерошенной бородой и темно-каштановыми волосами до плеч.

Эльпидио...

Я моргнула и лишь тогда поверила, что человек, с которым я хотела познакомиться столько лет, и в самом деле стоял сейчас прямо передо мной. Я забыла, как дышать, говорить, двигаться, да и все остальные естественные человеческие действия стерлись из памяти.

Эльпидио опустил голову, избегая моего взгляда, но я знала: он заметил, что я здесь. Все его тело напряглось, словно бы мужчина готовился сбежать.

Я не могла произнести ни слова, лишь наблюдала, как вздымалась и опадала его широкая грудь. Затем, нарочито медленно, он выдохнул через нос и поднял голову.

Я чуть не отшатнулась.

Он казался... темным. Я не смогла подобрать другого слова, чтобы его описать. Мрачный, весь в татуировках, но все же необычно... прекрасный.

Эльпидио притягивал взор, как и его скульптуры, и когда он бросил на меня пронзительный взгляд почти черных глаз, я лишь судорожно вздохнула.

Он пристально разглядывал меня с ног до головы, и я ощутила, как ослабли колени, сердце затрепетало в груди, а по телу прокатилась дрожь. Я думала, что у меня подогнутся ноги.

«Итальянец», – решила я. Остин оказался прав. Эльпидио определенно походил на итальянца.

Мы стояли неподвижно, не зная, что сказать. Казалось, так пролетело несколько минут.

Наконец, пытаясь сохранить хоть каплю профессионализма, я скинула с себя оцепенение и шагнула вперед, робко протягивая руку.

– Здравствуйте... – хрипло проговорила я. Эльпидио по-прежнему мрачно смотрел на меня, пронзая взглядом темных глаз. – Я Элиана. А вы... должно быть, Эльпидио?

Через миг я заметила, как он побледнел и опустил глаза, уставившись в пол; каштановые волосы длиной до плеч тут же скрыли лицо. Он хранил анонимность. Вин говорил мне, что любое признание таланта или просто узнавание вызывало у него неловкость. Наставник явно не лгал.

– Все в порядке, – поспешно продолжила я. – Я куратор вашей выставки. И никому не скажу, что вы здесь. И, если вы пожелаете остаться неузнанным, я морально обязана защитить вашу анонимность.

При этих словах Эльпидио, казалось, немного расслабился, и, глубоко вздохнув, поднял голову и откинул с лица длинные волосы.

Теперь я видела его отчетливей. Черты лица казались довольно резкими, а на левой щеке, прямо под глазом, я заметила татуировку – черное распятие. Одним своим видом он просто кричал об опасности.

Эльпидио оценивающе рассматривал меня, словно не доверял мне, да и всем остальным, если на то пошло.

Внезапно он подался вперед и сжал мою руку. И я почти перестала дышать, прикосновение его ладони просто обжигало. Я уже и забыла, что протянула ему руку в знак приветствия, слишком очарованная взглядами, в которых не было притворства, и молчаливым нравом.

– Элиана, – резко проговорил он. И при звуках его хриплого тягучего голоса сердце пропустило удар.

– Эльпидио, – взволнованно проговорила я. – Не могу выразить, как я счастлива, наконец, с вами познакомиться. – Я затаила дыхание.

Он поджал губы, словно мой восторг его вовсе не трогал или попросту раздражал. Точнее было трудно понять.

Прочистив горло, я отпустила его руку и указала на создаваемую выставку.

– Ну что вы думаете? – нервно спросила я, голос едва заметно дрожал. Я подошла к нему ближе, чтобы взглянуть на галерею. – Я страстная поклонница вашего творчества, и для меня возможность создать эту выставку похожа на сбывшуюся мечту.

Эльпидио ничего не сказал, и я повернулась к нему. Когда наши взгляды встретились, он, словно выражая недовольство, сузил темные глаза. И от его пристального внимания по телу прокатилась волна жара. Я почувствовала, как запылали щеки.

– Что-то не так? – спросила я, нервно проводя рукой по длинным волосам.

По лицу Эльпидио по-прежнему ничего нельзя было прочесть. Он лишь еще сильнее сузил глаза. А потом вновь перевел взгляд на галерею и медленно наклонил голову, внимательно что-то разглядывая.

Приняв ту же позу, я попыталась проследить за его взглядом, чтобы понять, что же он изучал.

Эльпидио вновь посмотрел на меня, и на миг показалось, что я видела его раньше. На долю секунды что-то мелькнуло в его темных глазах, выявляя в лице нечто знакомое. Но мгновение прошло так же быстро, как и возникло, и он шагнул вперед.

Эльпидио остановился у скульптуры скрючившегося на полу человека; обхватив голову руками, тот прижал ноги к груди... И, как ни печально, каждый дюйм его тела пронзали черные кинжалы, которые раскалывали белый каррарский мрамор. Создавалось впечатление, будто лезвия разрывали плоть на части.

– Эльпидио? – позвала я, и он взглянул на меня.

– Эльпи, – спокойно уточнил он, и от властного тона по спине пробежала дрожь.

– Эльпи... Ладно, – прошептала я в ответ. Он слишком долго смотрел на мои губы, и это взволновало меня.

Протянув руку, он провел мозолистыми, покрытыми татуировками пальцами по спине скульптуры и взглянул на пустое место в углу комнаты.

Я наблюдала, как он пристально, с особой тщательностью изучал свою работу.

Внезапно Эльпидио выпрямился и указал в дальний угол.

– Эту нужно поставить там.

От волнения сердце в груди забилось быстрее. Я шагнула ближе и заглянула ему через плечо, чтобы понять, куда именно он указал. Я затаила дыхание и ощутила, как от нашей близости напряглось его тело. От Эльпидио исходил легкий запах сигаретного дыма и мускусного одеколона с дубово-кедровыми нотками.

Мне нравилось, как от него пахло... Даже слишком. И границы профессионального поведения уже не казались такими незыблемыми.

На руках Эльпидио напряглись мышцы. Он вновь провел ладонью по волосам. Я подозревала, что он делал так, когда нервничал.

– Почему вы хотите разместить эту скульптуру в том углу? Есть какая-то особая причина? – спросила я.

Эльпидио запрокинул голову и взглянул на стеклянный куполообразный потолок. Я последовала его примеру и недоуменно нахмурилась.

– Большую часть дня сквозь крышу станет проникать солнце. Если мы повернем ее под правильным углом, лучи будут падать на скульптуру и отражаться от кинжалов на пол, как я и планировал.

С каждым произносимым словом в глубоком голосе Эльпидио я все больше улавливала опустошенность. И когда он закончил объяснения, я вдруг осознала, что смотрела уже не на куполообразный потолок, а на его лицо, на котором теперь читалась глубокая печаль.

На краткий миг Эльпидио закрыл глаза, и я почувствовала исходящую от него грусть.

И ощутила, как на мгновение сжалось сердце. Он определенно страдал, только я понятия не имела почему.

Повисло молчание; время шло, но я глаз не могла отвести от его лица. Этот загадочный скульптор интриговал меня сильнее, чем я могла представить. А еще беспокоил... и пугал... Все инстинкты твердили мне держаться от него подальше.

Сейчас он явно переживал что-то личное. И, не желая вторгаться в чужое пространство, я заставила себя сосредоточиться на скульптуре.

– Ты согласна? – наконец, спросил Эльпидио.

– Мне нравится, – тихо проговорила я и подвинулась, чтобы видеть полную луну и весь отбрасываемый ею свет. Когда же я взглянула на тени на полу, то от удивления широко распахнула глаза.

А потом вновь обратила взор на Эльпидио. Он стоял, скрестив на груди сильные руки. И рассматривал меня суровым взглядом.

– Я соглашусь со всем, что вы хотите, но... – Я замолчала, наклонившись еще ниже, чтобы убедиться в своей правоте.

Эльпидио напрягся.

– Что? – бросил он.

От резкого тона я слегка отшатнулась. Но Эльпидио вдруг вздохнул и медленно переступил с ноги на ногу, на загорелых щеках его вспыхнул румянец. Словно бы он ощущал неуверенность в себе и не привык обсуждать с кем-либо свои творения... Казалось, он чувствовал себя не в своей тарелке.

Но такого просто не могло быть. Пусть это его первая выставка, но ведь люди наверняка и прежде обсуждали его работы, в научных кругах и публично. Ведь он уже пару лет создавал скульптуры.

Вздыхнув, я выпрямилась.

– Ну, когда на него упадут солнечные лучи, будет казаться, что он истекает кровью.

Эльпидио вытянул шею, чтобы взглянуть на скульптуру, но не сдвинулся с места.

– Подойдите сюда и посмотрите, – настаивала я.

Эльпидио неохотно подошел ко мне и присел на корточки, стараясь меня не коснуться. В тот миг, когда он понял, что я имела в виду, с губ его сорвался тихий вздох.

Эльпидио провел рукой по лицу.

– Верно, – хрипло произнес он.

– А эффект кровотока соотносится с замыслом творения? Не нужно менять его изначальный смысл, – проговорила я.

Ни один из шедевров Эльпидио не имел названия, и не существовало никаких сведений о том, что послужило для них вдохновением и какой замысел они были призваны воплотить. И объяснить их смысл мог лишь один человек – он сам. Для меня же, как для куратора, подобное незнание происхождения скульптур превращало процесс их расстановки в настоящий кошмар.

– Полностью, – затаив дыхание, ответил он.

Эльпидио казался потрясенным. Он сел прямо на пол и удовлетворенно рассматривал, как свет луны отбрасывал тени, похожие на черные ручейки, тянущиеся по бетонному полу.

Опустившись рядом с ним на колени, я ждала, когда он заговорит. Я привыкла к тому, что творцы для выставления своих работ использовали нетрадиционные методы, но Эльпидио, казалось, пребывал в совершенной растерянности.

Наклонившись вперед, я провела пальцем по длинной черной тени на полированном бетонном полу, чтобы обрести хоть немного спокойствия. Когда я снова подняла глаза, Эльпидио смотрел на меня. Теперь взгляд его немного смягчился, и выражение лица стало почти дружелюбным.

– Простите, – быстро проговорила я. – Знаю, что порой я слишком увлекаюсь. Но ваши работы... – Я вздохнула и смущенно покраснела. – Они просто сводят меня с ума. – Я нервно рассмеялась и вновь обвела пальцем тень возле колен.

Какое-то время Эльпидио молчал, а потом спросил:

– Как думаешь, почему у него идет кровь?

Я удивленно взглянула на скульптора. Он указал подбородком на мраморную статую мужчины.

– Почему у него идет кровь? – озадаченно переспросила я.

Он мрачно кивнул.

Я рассматривала мучительно съежившуюся мраморную фигуру, а потом произнесла:

– Боль? Кровопролитие? Отверженность? – Взгляд Эльпидио стал рассеянным, потерял сосредоточенность. – Верно? Это боль? Кровопролитие? Что-то еще?

Эльпидио внезапно взглянул на меня.

– Вина.

«Чувство вины...»

Я вновь посмотрела на скульптуру, на этот раз свежим взглядом. Теперь я распознала вину. Каждый кинжал – грех, который не стоило совершать... Мраморный человек распадался на части из-за чувства вины.

– Ты... когда-нибудь ощущала подобную вину, Элиана?

От того, как Эльпидио произнес мое имя, я ощутила волнение. Он отлично справился с испанским произношением. Когда я посмотрела на него, то прочитала во взгляде мольбу ответить на заданный вопрос.

Я лишь печально покачала головой. Мне не довелось испытать ничего похожего на степень вины, отраженную в этой скульптуре. Вероятно, как и многим другим.

Стиснув зубы, Эльпидио вдруг резко вскочил на ноги и бросился к выходу.

– Вы уходите? – спросила я, в голосе послышалось разочарование.

Эльпидио неподвижно замер.

– Да, – тихо бросил он. Голос его дрожал, но не от злости, скорее от страданий.

Я чувствовала, как сильно ему хотелось уйти. Он стиснул руки в кулаки, и под тонкой тканью рубашки его широкая мускулистая спина резко напряглась.

Я же не желала, чтобы он уходил. Пусть бы объяснил мне смысл каждой работы так же, как и пронзенного кинжалами мужчины. Мне хотелось увидеть сотворенный им мир его глазами. И просто поговорить с человеком, чьими работами я воодушевлялась больше, чем любой из когда-либо изученных или увиденных коллекций. Он мог бы рассказать мне про свой жизненный путь, чтобы я сумела создать выставку, достойную его таланта. И, если уж совсем честно, помимо всего прочего, я бы не отказалась узнать его поближе.

– Пожалуйста, – в отчаянии прошептала я, и Эльпидио осторожно повернулся ко мне.

Выражение его лица вовсе не казалось радушным. По правде говоря, на нем читалась неприкрытая угроза. Но я просто жаждала узнать о нем больше. Я понятия не имела, что из себя представлял Эльпидио. Но что-то внутри хотело помочь ему исцелиться.

Лишь одно не подлежало сомнению. Я знала его работы. И сквозь изгибы мраморных творений проступал образ созданного мной реального человека. Он мог скрываться за татуировками и длинными волосами, но самого очевидного не сумел спрятать. Через свои скульптуры он просто кричал всему миру, что небезупречен.

– Вы никогда не называли свои работы, – проговорила я, и во взгляде Эльпидио мелькнуло явное волнение. Я шагнула вперед, нервно поглядывая на него сквозь длинные ресницы. – Ваши скульптуры... они все без названий.

Эльпидио пожал плечами, и вновь я заметила на его лице проблеск неуверенности. Или нежелания? Я снова шагнула вперед. А он не отступил, и мы оказались нос к носу.

У меня дрожали руки. Он казался таким пленительным... Средиземноморская кожа, мрачные татуировки на лице, плотный слой чернил, что скрывал под собой настоящего мужчину.

– Почему? – спросила я. – Зачем оставлять столь прекрасные творения безымянными? Ведь, называя, вы даете им жизнь. Так сказать, проводите крещение.

Он пристально уставился на меня. Ощущая волнение, я тяжело сглотнула. Эльпидио вдруг наклонился ко мне, и в ожидании его дальнейших действий по спине пробежал холодок.

– Если я дам им имена, то все это станет чертовски реальным, – прошептал он, и я ощутила, как лица коснулось его горячее дыхание.

– Я не поним... – начала я, но под суровым взглядом Эльпидио замолчала.

– Черт возьми, я этого просто не заслуживаю. Совершенно. И, поверь мне... Я ничего не хотел... но все равно получил.

Крупное тело Эльпидио нависало надо мной, и я прерывисто вздохнула. И подняла взгляд, чтобы посмотреть на него. В почти черных глазах мужчины вспыхнул гнев.

– Это неправда, – прошептала я. Его работы больше, чем чьи-либо еще, заслуживали быть выставленными на всеобщее обозрение. Люди должны видеть его творения.

– Ты не знаешь меня, девочка, – процедил он сквозь стиснутые зубы.

– Я знаю ваши работы, – возразила я. От его внезапной враждебности и обращения «девочка», произнесенного снисходительным тоном, сердце бешено заколотилось в груди. – Они мне известны лучше, чем кому-либо другому...

Эльпидио не сводил с меня пристального взгляда, и я вдруг подумала, что вот-вот рухну под его тяжестью. Но затем, как ни странно, он перестал хмуриться и опустил глаза, словно признавая поражение. Он протянул руку и подцепил прядь моих волос, зажав ее между большим и указательным пальцами, а потом снова посмотрел на меня.

Воздух вокруг нас сгустился, словно плотный туман. Но вдруг Эльпидио резко выпустил мои волосы, будто бы они обожгли его, как открытое пламя. Теперь на лице его читалось удивление и даже недоверие. Похоже, его потрясло уже то, что он просто ко мне прикоснулся.

Он быстро отвернулся.

Я поняла, что сейчас он уйдет, несмотря на все мои протесты. Когда Эльпидио отдернул тяжелые шторы, я спросила:

– А названия?..

Он сгреб черную материю в кулак и опустил голову.

– Они тебе и в самом деле так нужны? – коротко спросил он.

В груди вспыхнул проблеск надежды.

– Они... безмерно помогли бы мне. Людям нравится давать скульптурам имена, и они обожают, если те хоть как-то отражают замысел творца. Журналисты их тоже любят и в статьях упоминают свои любимые произведения. Несколько крупных изданий уже прислали мне запросы.

– Твою ж мать, – прошипел он себе под нос, но я услышала. И напряженно ждала его ответа. Эта странная встреча вызывала дрожь в каждой клеточке моего тела.

Наконец, он опустил плечи.

– Ладно, как хочешь.

– Спасибо, – ответила я, в животе запорхали бабочки.

Эльпидио вновь дернул шторы.

– Я приду завтра ночью примерно в это же время.

– Хорошо, – проговорила я, и при мысли о том, что я буду снова работать с ним, по телу разлилось тепло.

Он уже отвернулся, намереваясь уйти, но я вдруг позвала его:

– Эльпидио? – Он остановился, но не обернулся. – Вы случайно не из Алабамы? – Я заметила, как напряглись его плечи. – Просто я сама из Бирмингема¹¹ и уловила знакомый акцент.

Он колебался.

– Мобил¹², – наконец, неохотно ответил он. При мысли, что мы из одного штата, я лишь слегка улыбнулась. А потом он добавил: – И я – Эльпи. – Он сделал ударение на своем имени.

– Хорошо, – прошептала я.

Мне хотелось сказать намного больше, но Эльпи уже выскользнул сквозь раздвинутые шторы. Я же осталась стоять рядом со скульптурой, которую мы только что обсуждали. Глядя на нее в серебристом сиянии лунного света, я вдруг ощутила, как сбилось дыхание. От внезапного осознания по телу прошла холодная дрожь.

Эльпидио, Эльпи... Это ведь он тот самый человек, что, мучаясь, лежал на полу, и из ран его, словно кровь, сочились чувство вины...

¹¹ Бирмингем – крупнейший город в штате Алабама, США.

¹² Мобил – город и порт на юге США, третий по величине город штата Алабама.

Глава 7. Аксель

«— Ты не знаешь меня, девочка.

— Я знаю ваши работы. — В испанских глазах Элианы вспыхнула убежденность. — Они мне известны лучше, чем кому-либо другому...»

Обнаженный по пояс, вспотевший после недавней тренировки, я обошел вокруг нетро-нутого куска мрамора, а в голове вновь и вновь звучали слова куратора.

«Я знаю ваши работы. Они мне известны лучше, чем кому-либо другому...»

Элиана. Черт бы побрал Элиану Лусию за то, что проникла в мои гребаные мысли.

С той минуты, как две ночи назад в галерее она застала меня возле мраморного ангела, я чертовски поразительно лишился дара речи.

Я прежде не встречал похожих на нее цыпочек. И никогда ни у кого не видел таких ярких глаз, темных волос и ослепительной улыбки. В прошлом я получал женщину, стоило лишь захотеть. Вокруг трейлерного парка крутилось множество итальянских шлюх, и по-быстрому трахнуть одну из них удавалось без труда. Но подобные ей цыпочки прежде вовсе не обращали на меня внимания. Черт, да последние пять лет я почти не видел женщин, не говоря уж о том, чтобы с ними спать... Так что, она первая заметила меня и говорила со мной, запинаясь, словно бы я был величайшим человеком на Земле.

А вчера ночью Элиана ждала моего прихода. Меня. Я с трудом мог это осознать. Стоило бы держаться подальше. Чтобы ни один человек из тех, кто связан с этой чертовой выставкой, понятия не имел, как я выгляжу. Но при мысли о том, на что могла бы походить моя экспозиция, я испытывал нездоровое любопытство, которое ночь за ночью тянуло меня обратно в проклятую галерею... Мне хотелось взглянуть на скульптуры, что я создавал месяцами, ведь я их так давно не видел... Но там я наткнулся на Элиану. И при виде меня на ее потрясающем лице появилось волнение от встречи с гребаным Эльпидио.

Эльпидио — вымышленный творец. Скульптор, в которого влюбился этот чертов ханжеский мир искусства. Но никто, кроме Вина, не знал, что за именем Эльпидио на самом деле скрывался Аксель Карилло. Некий бывший заключенный из трейлерного парка. До которого никому не было дела.

Тридцатилетний Аксель Карилло, которому смягчили срок за сдачу федералам поставщика наркотиков. Тот самый, что некогда снискал себе славу, будучи помощником лидера Холмчих, самым жестоким и отвратительным членом банды, владевшей территорией трейлерного парка. И просто неудачник, разбивший сердце умирающей матери и толкающий в пропасть двух лучших братьев, о каких можно только мечтать.

Аксель Карилло, заслуживший чертовы мучения за все, что сделал.

И с ним следовало обходиться, как с подонком.

Не стоило давать ему в жизни еще один шанс.

Элиана Лусия может считать Эльпидио центром вселенной, но братья-то знали меня настоящего. И понимали, каков я на самом деле. Черт, да одно то, как Леви обращался со мной при каждой встрече, ясно говорило об этом.

Всего два часа назад он дал мне понять, как сильно меня не выносит, и при этом вовсе не сдерживался...

* * *

Сидя за завтраком, я, как и каждый день, потягивал черный кофе. Лекси готовила что-то на плите, и Остин обнимал ее за талию. Им было наплевать, что я здесь, по крайней мере, Остину точно. Так что он стоял рядом с Лекси и целовал ее в шею.

Мне совершенно не хотелось видеть, как младший брат сюсюкал со своей тощей женой, но я радовался, что он настолько счастлив.

В этот миг Лекси повернула ко мне голову и тут же покраснела. Остин проследил за ее взглядом и рассмеялся, поняв, что так смутило его маленькую женщину.

– Ты чертовски милая, эльфенок, – проговорил Остин и, поцеловав Лекси в щеку, сел напротив меня.

Лекси разложила яичницу по тарелкам и, сев рядом с мужем, медленно взяла вилку. Опустив глаза, она методично пережевывала каждый кусочек. Я заметил, что Остин время от времени поглядывал на нее, а потом опустил руку ей на ногу.

На миг внутри все сжалось, когда я подумал о маме. Ей бы хотелось увидеть свою радость и гордость таким счастливым. И она бы всей душой обожала Лекси. Словно дочь, которой у нее никогда не было.

Я тут же ощутил вставший в горле ком и закрыл глаза.

– Акс, ты в порядке? – спросил Остин.

Резко распахнув глаза, я заметил, как нахмурился наблюдавший за мной брат.

– Да, – хрипло ответил я и, откашлявшись, заерзал на стуле. Остин недоверчиво взглянул на меня, но не стал настаивать.

– Итак, – проговорил Остин и поднялся из-за стола, чтобы принести еще кофе. Он наполнил мне чашку и снова сел, а я все ждал дальнейших его слов. – Ты работаешь на этом рынке очень много часов. Кажется, практически все время.

Как всегда, когда Остин заговорил о моем прикрытии, сердце заколотилось в груди. Я чертовски ненавидел всем им лгать, но я просто не мог рассказать, зачем на самом деле приехал в Сиэтл.

– Беру еще смены. Работаю, сколько могу, – уклончиво пробормотал я.

– По ночам? – продолжал вопросы Остин.

– Парень, с которым я работаю, живет неподалеку. Иногда я ночую у него. Но ночные смены у меня тоже бывают.

– Парень, с которым ты работаешь? – переспросил брат, и Лекси подняла на него полный беспокойства взгляд. Остин заерзал на стуле. – Бывший заключенный?

Сузив глаза, я взглянул на младшего брата.

– А если и так, то что? – поинтересовался я. – Я ведь в таком же положении, Ост.

Остин уже собирался ответить, но тут раздался другой голос:

– Все так и есть, Ост. Акс общается лишь с чертовыми неудачниками. Помнишь Джо? Он был кукловодом Акса в Алабаме.

Я на миг закрыл глаза и попытался дышать спокойно, несмотря на предстоящие разглашательства Лева. Он заводил их каждый день, пытаясь выбить меня из колеи.

– Скорее всего, они не работают допоздна. Наверняка он вновь начал продавать дурь. Только в этом он и преуспел. Единственное, в чем он был хорош.

При упоминании о торговле наркотиками внутри все заledenело. Я повернулся и взглянул на Леви. Он, склонившись над гранитной столешницей, делал протеиновый коктейль. Младший брат пронзал меня взглядом, словно кинжалом.

С тех пор, как я приехал, всегда одно и то же. В основном, он просто игнорировал меня, в остальное же время пытался задеть, чтобы заставить почувствовать себя гребаным неудачником. Хотя здесь все обо мне так думали.

Первые несколько дней я терпел его колкости, пытался не обращать внимания на волну ярости. Но в последнее время все чаще проводил время в студии. Даже попросил Вина устроить мне там постель. Не хотелось находиться здесь, где меня не желали видеть. Не стоило еще больше портить Леву жизнь.

– Леви, хватит! – устало проговорила Лекси, но я поднял руку, чтобы ее остановить.

Я встретился взглядом с младшим братишкой.

– Ты можешь мне не верить, малыш, но я больше не занимаюсь этим дерьмом.

На губах Леви мелькнула понимающая ухмылка.

– Правда, Акс? Теперь ты исправился?

– *Si*¹³, Лев. И просто пытаюсь наладить свою жизнь.

Леви сжал шейкер в руке и шагнул вперед, лицо его побагровело.

– Знаешь, раньше я верил, что Господь заботится о хороших людях. Но, когда я смотрю, как ты сидишь здесь, в этом доме, после всего, что сделал со мной, Остом и Лекс, то начинаю в этом сомневаться. – Лев наклонился вперед, и на миг мне показалось, что малыш попытается меня ударить, но он вдруг отстранился. – Ты убивал людей, Акс, лишь ради какого-то клочка земли. И заставил нас с Остином стрелять в ребят из банды Королей. Но сильнее всего меня бесит то, что мама умерла. Лучшая из всех существовавших женщин скончалась, а ты, черт возьми, остался жив. Именно ты!

В груди все сжалось, когда я заметил в глазах Лева слезы. Больше всего на свете мне хотелось встать, прижать его к груди и сказать, что я сожалею. Но он бы ни за что мне этого не позволил.

– Лев, тебе бы лучше сбавить обороты, – предупредил Остин.

Лев метнул взгляд на Остина, затем снова сосредоточился на мне.

– Все в порядке, Ост. Пусть говорит что хочет. Ему явно нужно выплеснуть это наружу, – спокойно проговорил я, но мои слова лишь еще сильнее разозлили Лева.

– Аксель, ни с кем нельзя так разговаривать, – тихо сказала Лекси, и я заметил, как впервые за все выступление Лев растерял свои замашки члена банды.

Не отрывая взгляда от Леви, я лишь покачал головой.

– Пусть говорит, что хочет, Лекси. С тех пор прошло уже много времени.

В серых глазах Леви вспыхнуло пламя, и я не сомневался, что, если бы он раздобыл пистолет, то всадил бы мне пулю в голову. Он вновь склонился надо мной.

– Работай на чертовом рыбном рынке, Акс. Но, что бы ты ни сделал, я никогда тебя не прощу. Ты всего лишь мусор.

Леви вышел из дома, а я сел за стол, все еще сжимая кружку с кофе, которая почти треснула от моей крепкой хватки.

– Акс, черт возьми, ему не стоило говорить все это о маме... – начал Остин, но я, прерывая его, встал, вымыл чашку в раковине и поставил ее на сушилку.

Закрыв глаза, я глубоко вздохнул, пытаясь побороть нахлынувшее опустошение, и проговорил:

– Он прав, Ост. Он все сказал верно.

Я поднял глаза и заметил, что Остин и Лекси смотрели на меня с сочувствием.

А мне не хотелось гребаной жалости. Она лишь еще больше меня злила. Мне не нужна чертова милостыня.

Оттолкнувшись от столешницы, я прошел мимо брата с женой и проговорил:

¹³ Да (*ит.*).

– Если бы я мог поменяться местами с мамой, я бы сделал это, не задумываясь. Я заслужил смерть. Ведь за всю свою жизнь не сделал ничего хорошего. Лев прав. Я просто мусор.

* * *

Ощувив в руках холодный металл молотка, я обрушился на большую глыбу мрамора с серыми прожилками, откалывая куски, что не понадобятся мне для этой скульптуры. С каждым ударом я чувствовал, как слова Леви одно за другим били меня в грудь, словно пытаюсь разорвать на части.

«Что, черт возьми, я сделал с этим малышом?»

Да просто уничтожил ко всем чертям, вот и все. Мне ведь полагалось защищать брата, а я его погубил.

Мраморная пыль облаком повисла в комнате. Я смотрел на глиняный слепок, созданный в качестве образца для настоящей скульптуры, а потом взял молоток и ударил прямо по нему. Два куса глины упали на пол.

Я задышался от напряжения, от тяжести инструмента дрожали мышцы на руках.

Какое-то время я стоял неподвижно, глядя на мрамор. А потом вдруг подхватил заостренное долото и начал придавать камню новую форму. В мыслях возник определенный образ, и я пытался его оживить.

Я работал словно безумный. Проходили часы, а я все долбил мрамор, но, в конце концов, творение обрело форму.

Я трудился так долго, что серость неба сменилась чернотой ночи, сильный ветер бился в высокие окна студии, из которых открывался вид на залив. Мышцы болели, я чувствовал себя измотанным.

Отступив назад, я попытался оценить скульптуру. Но тут же отвернулся. Я просто не мог на нее смотреть.

Когда я вновь взглянул на нее, в глазах стояли слезы. Мной овладел обычный неконтролируемый гнев, порожденный непомерной ненавистью к самому себе.

А потом я заметил стоявшего в дверях Вина. Он смотрел с каменным выражением на старческом лице на неоконченную скульптуру.

– И давно ты здесь? – спросил я, стиснув зубы, и направился за полотенцем, лежавшим рядом с инструментами.

Я вытер лицо.

– Некоторое время, – проговорил Вин и прошаркал в комнату, опираясь на деревянную трость.

Я напрягся, когда он подошел ближе. Мне вообще не нравилось, когда кто-то рассматривал мои творения, и особенно в процессе работы. Я не выносил чужих суждений.

Нахмурившись, Вин приблизился к скульптуре и медленно обошел вокруг нее. Не обращая на него внимания, я направился за пачкой сигарет и, достав одну, зажег и сделал длинную затяжку.

Вин подошел ко мне. Я заметил, как он осматривал полупустую студию. Взгляд его зацепился за большую двуспальную кровать в дальнем углу.

– Ты часто здесь остаешься? – спросил он.

– Я работаю допоздна.

Вин кивнул, но в глазах его мелькнуло беспокойство. Я выпустил длинное облако дыма. Я не понимал, почему это вообще кого-то волнует.

– Я знаю, что ты работаешь допоздна, Эльпи. Уже почти час ночи.

Я провел рукой по лицу. Черт, я проторчал здесь целый день.

Я медленно перевел взгляд на Вина.

– Почти час ночи?

– Да, без пятнадцати минут, – растерянно ответил он. – Я ужинал с друзьями и решил заглянуть. Просто знал, что ты не спишь. Утром мне нужно возвращаться в Нью-Йорк, и я хотел попрощаться. Там сейчас довольно много работы, так что я приеду лишь к открытию твоей выставки.

Я затушил окурок и натянул черную футболку, покрытую мраморной пылью и глиной, нацепил черные ботинки.

– Ладно. До встречи.

– Куда ты так торопишься? – спросил Вин, когда я потянулся за бумажником и ключами от «Эль Камино».

– В галерею.

– А-а. По-прежнему ходишь туда каждую ночь, – задумчиво произнес Вин, и я замер.

– Ты знал, что так и будет?

Он кивнул.

– Я разрешил тебе ночные посещения еще до того, как ты приехал. Я понимал, что ты не сможешь сдержаться. И это хорошо. Значит, тебе не так уж безразлична эта выставка, как ты пытаешься показать.

Я молчал, ощущая себя гребаным придурком. Да, она меня волновала.

– И ты хочешь проверить, как идут дела?

Я пристально взглянул на Вина. Я знал, что старый ублюдок не уймется, пока я не заговорю.

– Я собираюсь дать скульптурам названия.

Губы Вина растянулись в самой широкой улыбке на свете.

– Эльпи! Я так рад. Названия придадут им жизни! – Он нахмурился. – Но почему сейчас? Ты же так долго отказывался.

Перед мысленным взором возникло лицо Элианы, и внутри все перевернулось. Опустив глаза, я поскреб бороду.

– Прошлой ночью я столкнулся там с куратором. Она попросила меня их назвать. Я согласился. Она оказалась... настойчивой, – я замолчал, и, когда представил ее горящее от нетерпения лицо, мне почему-то стало легче.

Взглянув на незаконченную скульптуру, установленную на гипсовом постаменте посреди студии, я вдруг понял, как назову ее...

– Ты встречался с Элианой? – Вопрос Вина вернул меня обратно в настоящее.

– Прошлой ночью.

В глазах Вина мелькнули веселые искорки, и он с трудом сдержал улыбку. Его понимающий взгляд просто вывел меня из себя.

– Что? – резко спросил я.

Вин поднял руки.

– Ничего.

Я взглянул на него, затем взял еще одну сигарету и, сунув ее в рот, протиснулся мимо Вина.

– Я пошел.

Выходя из студии, я мог бы поклясться, что услышал смех Вина.

Распахнув дверь в темную, влажную ночь, я пригнул голову, выскочил под дождь и запрыгнул в черный «Эль Камино» 1969 года выпуска. И глубоко вздохнул, когда по крыше машины забарабанил дождь. Дым от сигареты заполнил недавно обитый салон.

Взглянув в зеркало заднего вида, я вытащил ленту, которой связывал сзади длинные волосы, и распустил влажные пряди. С головы до ног меня покрывала мраморная пыль. Я покачал головой, спрашивая себя, почему вообще волнуюсь о том, как выгляжу.

Конечно же, я знал причину. Ростом примерно пять футов шесть дюймов, с чертовски привлекательным телом, длинными темно-каштановыми волосами, спадавшими до середины спины, и самыми огромными испанскими глазами, что я когда-либо видел. Да, именно из-за нее я волновался о своей внешности. Из-за горячей женщины, имевшей дело с моими скульптурами.

Зажав сигарету во рту, я уставился на свое отражение.

«Иди и сделай это, Акс. И оставь цыпочку в покое. Назови скульптуры. Немного расскажи о каждой, чтобы хватило для информационных табличек. А потом уходи и не возвращайся».

* * *

Войдя через служебный вход, я кивнул ночному охраннику, как всегда сидевшему за стойкой. Парень склонил голову, лишь бы не встречаться со мной взглядом. Он меня жутко боялся. Не удивительно; большинство людей реагировали так же. Да почти все, кроме Вина и, возможно, Элианы. Вин и сам был немного не в своем уме. А Элиана? Да черт ее знает.

Я заметил, что черные шторы задернуты, а потом услышал доносившуюся изнутри какую-то испанскую поп-музыку.

Я сделал глубокий вдох, молясь, чтобы в пачке осталась еще хоть одна сигарета, которая позволила бы успокоиться, отдернул шторы и шагнул в галерею. С прошлой ночи она сильно изменилась. Исчезли все деревянные ящики и упаковки от скульптур. Остались лишь сами творения и приспособления для их установки. Вокруг каждой работы на полу были разбросаны рукописные заметки.

Услышав фальшивое пение из глубины комнаты, я направился на зверский звук. И, завернув за угол, заметил Элиану Лусию в свободной белой рубашке, обтягивающих черных леггинсах и розовых ботинках «Док Мартенс»; темные волосы она завязала в беспорядочный узел на макушке.

Я глаз не мог от нее отвести.

Но меня очаровал не ее наряд, и даже не внешность. Держа кисть в руке, она рисовала белой краской на задней стене нечто, по форме напоминавшее горшки и, покачивая бедрами, фальшиво напевала на безупречном испанском:

– *Amor Prohibido murmuran por las calles. Porque somos de distintas sociedades...*¹⁴

Она расслабилась и просто получала удовольствие.

Я нахмурился. Не думаю, что когда-либо в жизни находился рядом с тем, кто так беззаботно веселился. Мне самому никогда не приходилось дурачиться подобным образом...

Пока я наблюдал за Элианой, в груди разлилось незнакомое тепло. Она громко пела и водила кистью по стене в такт музыкальному ритму.

Впервые в жизни мне захотелось почувствовать себя таким же счастливым, пусть даже на миг, ощутить, что значит стать настолько свободным. Это выглядело... мило. Элиана двигала бедрами, ни капли не волнуясь об окружавшем ее мире, и походила на луч света, сиявший на лице человека, всю жизнь проведенного в темной яме.

Какое-то время я просто заворуженно наблюдал за ней, а потом выпрямился и, скрыв ухмылку, откашлялся и скрестил руки на груди.

Элиана замерла посреди мазка и медленно повернула голову. На прекрасном лице ее виднелись брызги белой краски, а устремленные на меня карие глаза казались почти такими же огромными, как в мультфильмах Диснея. На оливковых щеках Элианы вспыхнул ярко-красный румянец. Она осторожно опустила кисть в поддон, стоявший рядом с ней на тележке, и что-то прошептала себе под нос.

¹⁴ О любви запретной шепчут в подворотнях, Мы из разных классов, мы с тобой не равня... (исп.) (лит.).

Я с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться. Ее реакция при виде меня оказалась весьма забавной.

Черт. Она выглядела почти обиженной.

– Эльпидио, не думала, что вы придете, – проговорила она, взволнованно прижимая руку к груди.

Черт возьми, она была великолепна. Вчера меня тоже посещали подобные мысли, но теперь, в таком виде...

Я выдержал пристальный взгляд Элианы, и, чем дольше мы смотрели друг на друга, тем быстрее поднималась и опадала ее грудь. Длинные темные ресницы нервно затрепетали, и я непроизвольно сжал кулаки.

– Эльпи, – ледяным тоном напомнил я ей.

В глазах Элианы мелькнуло смущение, а лицо вспыхнуло еще сильнее, чем прежде. Она принялась теребить прядь волос. От резкого движения ее не до конца застегнутая рубашка разошлась на шее, в вырезе мелькнула загорелая кожа и верхняя часть упругой груди, скрытой под белым кружевным бюстгалтером. При виде нее я чуть не застонал и словно прирос к месту; эта цыпочка просто лишала меня дара речи.

– Простите, Эльпи, – быстро проговорила она. – Вы ведь уже поправляли меня вчера ночью. Я просто не подумала.

Я услышал, что в мягком голосе ее прозвучало извинение, и тут же ощутил себя придурком, но промолчал. Элиана поспешила выключить музыку.

Я не двинулся с места. Стоя ко мне спиной, Элиана глубоко вздохнула, и я заметил, как напряглись ее плечи. На какое-то время вокруг нас повисла оглушительная тишина. Но потом она взяла себя в руки и повернулась ко мне, на прекрасном лице сияла улыбка.

– Я так рада, что вы пришли, – произнесла она, подходя ко мне.

Элиана окинула меня взглядом темных глаз, от растрепанных длинных волос до испачканной глиной черной футболки и черных рваных джинсов. Она изогнула полные розовые губы, и на щеках появились глубоко посаженные ямочки. А потом нерешительно протянула руку и коснулась кончиков моих волос. Дыхание перехватило, я застыл, не в силах пошевелиться, и заметил, как она нервно сглотнула.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как меня касалась женщина. Но, конечно, прежде я не имел дела с подобными ей.

Когда тонкий палец Элианы оказался возле моей щеки, я уловил ее аромат... Жасмин. Мама обычно жгла в трейлере жасминовые благовония. Возможно, именно поэтому я впервые за долгое время почувствовал, что могу расслабиться рядом с другим человеком. Как ни странно, я ощущал себя словно дома.

Элиана зажала в пальцах прядь моих волос. Она чуть приоткрыла розовые губы, и лица коснулось ее теплое дыхание.

Мне... нравилось, что она так близко... и прикасалась ко мне.

Миг спустя Элиана поднесла зажатую в руке прядь к моим глазам.

– Мрамор, – прошептала она, и ямочки на щеках стали глубже; девушка чуть надула губы и подозрительно прищурилась. – Должно быть, вы сегодня были очень заняты. Вы весь в мраморной пыли.

Наверное, что-то отразилось на моем лице, потому что она отдернула руку от волос и резко отступила назад.

Я стиснул зубы. Я понятия не имел, что со всем этим делать. Женщины, эта выставка... Я не умел вести себя нормально.

– Значит, это правда?

– Что?

– Вы весь день работали.

В ее глазах читалось волнение. Я кивнул, а потом сунул руки в карманы и отвернулся.

Я направился к статуе с кинжалами, которую мы обсуждали прошлой ночью. Теперь она стояла в предложенном мной углу, на высоком постаменте. На нее падал свет огромного прожектора. Я нахмурился.

– Если вы не хотите ее приподнимать, мы можем это исправить, – внезапно проговорила рядом со мной Элиана. Мимо меня вновь проплыл аромат жасмина. Ощувив ее так близко, я просто поджал губы.

Девушка провела рукой по белому постаменту, внимательно изучая скульптуру.

– Я попросила, чтобы ее подняли повыше. Так эффект ручейков раскроется максимально. Сегодня я поставила здесь прожектор, чтобы показать вам, как работа будет смотреться при дневном свете. Видите?

Я наклонился и тут же понял ее правоту. А когда вновь выпрямился, то заметил, что Элиана закусила зубами палец.

– Ну? – спросила она.

– Это прекрасно, – хрипло произнес я.

И я говорил искренне. В ярком свете прожектора ручейки от мраморного человека стекали по постаменту и расползались по полу еще на пару футов. Я чувствовал, что Элиана наблюдала за мной, от ее взгляда кожу на спине слегка покалывало.

– Значит, вы одобряете?

– Черт... да... это... – Я замолчал, не зная, как выразить свои чувства. Я никогда не умел обращаться со словами. Разве что, требуя расплатиться за дурь, угрожал в противном случае переломать должнику ноги.

Элиана сцепила руки, и на лице ее отразилась гордость. Это зрелище заставило меня немного отступить. Отойти на некоторое расстояние.

Я сделал ее счастливой. И не знал, как с этим справиться. Мы со счастьем как-то не уживались вместе.

– Итак... – проговорила Элиана и, обойдя кругом, указала на статую. – Вы думали насчет названия?

Когда я смотрел на мраморного человека, на ручейки, покрывавшие почти все его тело, на тени, напоминавшие потоки льющейся крови, на ум приходило только одно название.

– Обескровливание, – прошептал я, не успев даже толком подумать.

Элиана напряглась. Черт. Наверное, дурацкое название. Я ни хрена не смыслил во всем этом искусстве.

– Вытекание крови? – задумчиво проговорила Элиана. Я бросил взгляд на девушку, но она с сочувствием на лице рассматривала скульптуру. – Обескровливание... – пробормотала она себе под нос. А потом повернулась ко мне. Глаза ее сияли.

– Чувством вины, – пояснил я срывающимся голосом. – Каждым совершенным им грехом... поступком, причинившим людям боль... который он уже не сможет взять назад. Эти кинжалы засели в нем на всю жизнь.

Элиана втянула воздух, и я опустил голову, чувствуя, как только что произнесенные правдивые слова вонзаются в мое черное сердце.

– И что же послужило источником вдохновения? – осторожно спросила она.

Я вздохнул и откинул волосы с лица. Я взглянул на Элиану, но не смог вынести скорби, отразившейся на ее прекрасном лице.

– Черт, девочка, – вдруг резко бросил я. На миг закрыв глаза, я попытался подавить эмоции, удушающие гребаные чувства, что прежде не осмеливался выпускать на свободу. – Ты правда желаешь знать, как я придумал эту долбаную скульптуру? Во всех грязных подробностях? – Слова прозвучали жестче, чем я хотел, но мне неловко было обсуждать с кем-либо подобные темы.

– Просто расскажите хоть что-нибудь. – Элиана нервно подвинулась ближе ко мне, голос ее звучал не громче шепота. – Например, как вам пришла в голову подобная мысль? Этого хватит для информационных табличек.

Медленно втянув воздух через нос, я опустил голову, так что волосы закрыли лицо.

– Этот парень – грешник. Он много чего натворил, а когда понял, сколько боли причинил другим, было уже слишком поздно. Он уже сотворил самое худшее. Погубил людей... разрушил жизни... уничтожил людскую невинность, навсегда изменил человеческие души и их самих...

В своем воображении я видел Леви, четырнадцатилетнего парнишку. Я сам стоял позади него и указывал на члена соперничающей банды, Королей. Леви сжимал в руках «беретту». Его маленькие пальчики дрожали, лицо побелело от страха; он до смерти испугался, но я не обращал на это внимания. Джо кивнул, приказывая моему младшему брату заслужить стыд Холмчих, татуировку в форме звезды на левую щеку, символ пройденной инициации... Всего-то и надо было выстрелить в Короля.

Я видел двадцатипятилетнего себя; словно проклятый демон, маяча за спиной Леви, я шептал ему на ухо, призывая поторопиться. Я поднял его тонкую ручку, нацелил пистолет на нашего соперника и велел: «Сейчас!», и Леви послушно выпустил пулю прямо в ублоудка.

А потом он повернулся и взглянул на меня. Я все еще чувствовал, как тогда чертовски им гордился, ведь Леви показал себя перед «братьями», бандой, что начиная с двенадцати лет всегда была для меня всем. Но я заметил, как изменилось лицо Леви. Его жертва лежала на земле, истекая кровью, и малыш, которого лелеяли Остин с мамой, навсегда стал другим.

– Эльпи? – прервав молчание, позвала Элиана.

Я ощутил, как по щеке покатилась слеза, прямо по татуировке с распятием, что теперь скрывала стыду, и добавил:

– Каждый кинжал – это совершенное им преступление, и все вокруг пропитано чувством вины. Мучительным и бесконечным. – Когда я взглянул на скульптуру, то ощутил нечто сродни благоговению. – Но кинжалы никуда не денутся. И вина по-прежнему будет сочиться наружу. Раны не заживут... Трещины и разломы на его теле никогда не срастутся.

Внезапно в огромной галерее повисла тишина. Я ощутил, будто мне не хватало воздуха. Хотелось лишь удрать и оставить эту гребаную выставку и свою боль кому-то другому. Но я услышал рядом тихое дыхание Элианы и просто не смог пошевелиться.

Впервые в жизни кто-то разделил со мной эту боль. В сущности, просто незнакомка. Но мне это чертовски понравилось. Вот только я понятия не имел, как вести себя дальше. Я поклялся, что никогда никого к себе не подпущу. И не понимал, почему сейчас нарушил эту клятву.

Я не смог сдержать слез, и ощутил, как несколько капель скатились по щекам. Я незаметно вытер их перепачканными руками. А потом повернулся спиной к скульптуре, которая олицетворяла меня самого. Запрокинув голову, сквозь потолочный свод я уставился на миллионы звезд. И внезапно ощутил, как терзания притупились. Я представил нас с Остином детьми, на руках у меня спал Леви, практически еще младенец. Мы были просто юными братьями, лучшими друзьями, и, сидя на крыше трейлера, наблюдали за звездами...

* * *

Маленькой ручкой Остин указал на темное небо.

– Вон те три – это Пояс Ориона. Видишь, Акс? Три звезды подряд? А там – Плеяды, или Семь Сестер. Но чтобы увидеть все семь звезд сразу, нужно закрыть глаза, а затем очень быстро открыть. Ведь некоторые из них мгновенно исчезают, – рассказывал он мне.

Держа на руках Леви, я взглянул на восьмилетнего брата. Долговязый, нескладный Остин с большими карими глазами походил на меня, и я рассмеялся.

– Откуда ты все это знаешь, Ост?

Он пожал плечами и покраснел.

– Прочитал в школьной книге. Я вообще много читаю.

– Тебе нравятся звезды? – спросил я.

Он покраснел еще сильнее.

– Да. Они делают меня счастливым.

Он замолчал. Я знал, что ему неловко говорить мне об этом. Остин был мыслителем, и очень умным.

Снова посмотрев на небо, я указал на звезду.

– А это что, мальши?

Остин придвинулся ближе и проследил взглядом за моим пальцем.

– Это Сириус, – взволнованно проговорил он. А потом взглянул на меня. – А тебе нравятся звезды, Акс?

– Мне нравится, мальши, как ты о них рассказываешь, – с улыбкой ответил я.

Остин устроился поудобней, и мы почти тут же услышали, как пришел домой из местного бара пьяный отец и принялся кричать на маму. Она тут же заплакала, умоляя его не причинять ей вреда. Я ощутил, как, судорожно вздохнув, замер рядом со мной Остин. Он был в ужасе. Он всегда боялся отца, когда тот приходил домой пьяным. Поэтому я и привел его сюда, чтобы отвлечь.

Наклонившись, я обнял брата за плечи и притянул к себе. Я чертовски ненавидел отца-неудачника. Он стремился лишь причинить нам боль. Поэтому я пообещал себе всегда защищать своих братьев.

– Давай, мальши. Расскажи еще, – подтолкнул я его, почувствовав, как Остин изо всех сил вцепился мне в рубашку. В трейлере что-то разбилось, и мама закричала от боли.

Остин указал на яркую звезду и проговорил дрожащим голосом:

– Эт... это... М-Марс...

– Что, правда? – спросил я. – И он тоже сделан из шоколада?

Я ощутил, как сидевший рядом Остин усмехнулся.

– Нет, Акс, но он большой и красный, и кто-то думает, что на нем живут инопланетяне...

– В самом деле? Инопланетяне? – взволнованно спросил я, крепче прижимая к себе Остина и Леви.

Остин отпустил мою рубашку. Я понял, что ему удалось отвлечься от происходящей внутри ссоры, и вздохнул с облегчением.

– Вообще-то, Марс сделан из красного камня, Акс...

*** * ***

Именно так мы пережили плохие времена. Мы втроем затерялись в звездах, уносясь в ночное небо прочь от дерьмового трейлера, что называли домом.

По вечерам мы наблюдали за небом, пока я не связался с бандой, и тогда моей жизнью завладели братья-Холмчие... И я потащил за собой маленького невинного Остина. Он доверял мне, и в двенадцать лет уже начал торговать дурью... Как и я сам.

Мы с Остином и Леви больше никогда не смотрели на звезды.

И мне этого не хватало.

Я чертовски скучал по Остину и нашим прежним отношениям... С Леви, даже когда он достаточно повзрослел, таких никогда не было.

Глядя на небо сквозь стеклянный купол, я зацепился взглядом за Пояс Ориона. Не стоило сейчас об этом думать. И размышлять о том, какими были наши жизни прежде, пока все не пошло наперекосяк.

Я ощутил, как по спине мягко скользнула чья-то рука, и резко обернулся. Элиана обеспокоенно смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Она так и не убрала ладонь, и в месте прикосновения я ощущал сильный жар, словно бы к плоти приложили раскаленное клеймо.

– Вы... – Она принялась поглаживать мою мускулистую спину, и я почувствовал, что кожа будто пылала. – Ты в порядке?

Мне инстинктивно захотелось отстраниться и послать ее к черту, оттолкнуть от себя. Обычно я так и поступал. Но сейчас просто стоял и смотрел ей в глаза. И, черт возьми, не мог даже пошевелиться... Я желал, чтобы эти ладони опустились ниже и коснулись каждого дюйма моей кожи.

Элиана подняла руку и провела по моим волосам, а потом скользнула указательным пальцем по короткой бороде.

– Эльпи?

Я схватил ладонь Элианы, намереваясь отвести ее от своего лица.

Но когда наши руки соприкоснулись, у девушки перехватило дыхание. И я сдержался... Черт знает почему, я прижал ее ладонь к своей щеке. Сердце бешено колотилось в груди.

По груди Элианы разлился румянец, а потом поднялся к шее и щекам. Она облизнула полные розовые губы, и, не сводя с меня взгляда, чуть прикрыла веки, просто дыша... Черт возьми, мы оба пытались выровнять дыхание.

– Эльпи... – Элиана замолчала и подвинулась ближе. Я смотрел на пухлые губы и хотел лишь ее поцеловать, а потом прижать к стене и трахать до тех пор, пока ни один из нас не сможет стоять.

Но не стоило... Нам обоим не следовало так поступать.

Крепче сжав руку Элианы, я отвел ее от своего лица и мягко отпустил. На лице девушки отразилось разочарование, и я неохотно направился в центр галереи, создавая между нами хоть какое-то расстояние.

– Эльпи? – позвала меня сзади Элиана. Когда я обернулся, она теребила выбившуюся из-под ленты прядь волос. Девушка смотрела на меня необычными огромными глазами в обрамлении длинных, трепещущих ресниц, и казалась чертовски милой и невинной. – Может, поговорим об остальных скульптурах? – робко спросила она.

«Нет, – хотелось сказать мне. – Хватит с меня этой выставки. Она цепляет воспоминания из прошлого, с которыми я больше не хочу сталкиваться».

Вместо этого я глубоко вздохнул и кивнул.

Элиана облегченно улыбнулась и подошла ко мне ближе. Я тут же почувствовал исходившее от нее тепло. Казалось, воздух вокруг нас сгустился. Девушка опустила голову и покраснела. Я знал, что она тоже ощутила возникшее между нами странное притяжение.

Почему все в моей жизни должно быть так чертовски сложно?

– Итак, какая у нас следующая? – спросила Элиана.

– Мне все равно, – проговорил я. И, сунув руки в карманы, нащупал пачку сигарет. Мне чертовски хотелось курить.

Элиана направилась напрямик к самой большой скульптуре, а я замер как вкопанный. Через миг девушка осознала, что я не пошел за ней. Я даже отвернулся, ощутив, как в груди расплзалась чертова трещина.

Сейчас я не готов был столкнуться с тем, что олицетворяла для меня эта скульптура.

– Эльпи, что...

– Я туда не пойду, – отрезал я.

– Хорошо, – осторожно проговорила Элиана. – Хочешь выбрать другую?

Я закрыл глаза и почувствовал, что расслабляюсь. А потом заставил себя осмотреться. Многие работы разрывали мне сердце. Все они имели для меня смысл... олицетворяли то, с чем едва ли хотелось иметь сейчас дело.

Но кое-что я выдержать смогу.

Подойдя к скульптуре поменьше, к песочным часам, в которых сквозь песок тянулась рука, я качнул головой, подзывая Элиану подойти ближе.

– С этой нет проблем? – спросила она. Я лишь кивнул. – У нас есть название?

Глядя на руку тонущего в песке человека, я ощутил удушье. Он оказался в безвыходной ситуации... Тяжелый песок тянул его все глубже...

– Падение, – выпалил я.

Как и прежде, я ощутил на себе внимательный взгляд Элианы. Вероятно, она пыталась что-то прочесть на моем лице, но на этот раз я не дрогнул.

– Падение, – повторила она, что-то нацарапав в блокноте. – И стимул?

* * *

После шестой скульптуры я почувствовал себя выжатым, эмоционально и физически.

– Хочешь на сегодня закончить? – спросила Элиана и зевнула.

Облегченно вздохнув, я устало провел руками по лицу.

– Да, – ответил я. Казалось, впервые с тех пор, как я вошел в галерею, мышцы расслабились... а потом начали чертовски болеть.

Когда я размял шею, то услышал, как ко мне подошла Элиана. Я взглянул на нее сверху вниз. Она покраснела.

Я ее волновал... И мне это нравилось больше, чем следовало бы.

– Итак... – тихо проговорила она, придвигаясь еще ближе. Я ощутил, как вспотели ладони. Сердце бешено колотилось в груди. – Спасибо за сегодняшний вечер. Даже не верится. Твои скульптуры и так захватывают дух. Но и слова обладают не меньшей силой.

Я подавил ухмылку. Если бы речь шла о другом кураторе, вероятно, подобные похвалы являлись бы способом подмазаться к скульптору. Но с ней все было иначе. Я по глазам видел, что ей нравится вся эта хрень. Более того, она любила мои работы... извращенные, испорченные скульптуры, порожденные моим разумом.

Я понятия не имел, как такое возможно. Вероятно, если бы она знала, кто я такой на самом деле и что натворил, то бы увидела эти работы в совершенно другом свете. Они олицетворяли отвращение и чертовски неудачную попытку получить прощение.

– Уже поздно. Или рано. Зависит от того, как на это посмотреть, – усмехнулась она, застенчиво глядя в пол.

Я нахмурился, удивляясь, к чему все эти слова. Когда она бросила на меня взгляд из-под длинных ресниц, при виде освещенного лунным светом лица у меня перехватило дыхание. Если бы я был художником, то, запечатлев в памяти лишь этот ошеломляющий миг, создал бы потрясающий шедевр.

– Ты голоден? – Я нахмурился еще сильнее и заметил, как она слотнула. И принялась накручивать на палец ту самую, выбившуюся прядь волос. – Я... Не хочешь со мной позавтракать? Ну, если проголодался, – нервно произнесла она.

Я уже открыл рот, чтобы отказаться, но тут у меня заурчал желудок. По правде говоря, я просто умирал с голоду.

Элиана, услышав характерные звуки, помедлила, а потом ослепительно улыбнулась, показав ямочки на щеках. От подобной красоты я едва устоял на ногах. И уже не ухмылялся. Сейчас на моих губах расплылась невольная улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.